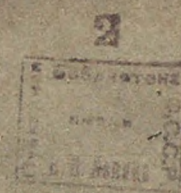

ОГОНЕК

XX 146
13

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Трудящиеся Советского Союза и все мыслящее человечество будет праздновать в 1928 году столетие со дня рождения величайшего русского писателя, произведения которого переведены на 45 языках—Льва Николаевича Толстого. В 1928 году подписчики журнала „ОГОНЕК“ получат полное собрание художественных произведений Льва Толстого. Помещаем неопубликованный снимок, сделанный В. Г. Чертовым в 1908 г. в Ясной Поляне.

ЛУЧШИЙ

ПОДАРОК МАЛЫШАМ

Библиотечка из 15 книжек для детского чтения (сказки, стишки, загадки, шутки) с многокрасочными картинками.

1) Стишки для малышей. 2) Кот Мурлыка. 3) Зайка-Убегайка. 4) Нов. приключ. бабушки-Забавушки и собачки Бум. 5) Веселый счет. Первый десяток для малых ребят. 6) Наш цирк. 7) Книжка-подружка. 8) Еж-богатырь. 9) Пряник медовый и таракан бедовый. 10) Ученые зверушки. 11) Золушка. 12) Детвора за работой. 13) Портный и месяц. 14) Басня Крылова. 15) Золотое детство. Все 15 книжек в издании футляре с коленкором, корешком, тисненным золотом, высылаются по полц. 2 р. 50 к.

Заказы и деньги направлять: **ОДЕССА, ул. Лассалы, 26. КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВУ**

„СВЕТЛОЧ“.

ЧЕРЧЕНИЮ

легко выучиться по допущ. ГУС и реком. МОНО пособиям А. Д. ДЕМЬНИНА. Требуется во всех книж. маг. и от автора список их. **МОСКВА (центр), Покровка 50/4.**

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданную по технике, медицине, сель.-хоз. и др. вопросам. **высылает немедленно нал. пл. Книжн. маг. „НАУКА И ЖИЗНЬ“.** **МОСКВА 19, Воздвиженка, 4/0** (фирма сущ. с 1905 года).

УЧИТЕСЬ САМИ

играть с помощью самоучителей по нотной-цифровой системе:

НА ГАРМОНИИ

Самоучитель Сергеева и Голубева для венской двухрядной, русского или немецкого строя, в 21 клавиш и 12 басов, с приложением 20-ти пьес (песни, революции, новобитовые и танцы), п. 1 р. 75 к. 2 альбома пьес (по 10 пьес). Цена каждого альбома — 75 к.

НА БАЛАЛАЙКЕ

Самоучитель Илюхина, п. 1 р. 50 к. 2 сборника песен, цена каждого сборника — 60 к.

НА МАНДОЛИНЕ

Самоучитель Петрова, п. 1 р. 50 к. 18 альбомов от 50 до 75 к. за каждый альбом.

НА ГИТАРЕ

Самоучитель Успенского, п. 1 р. 75 к. 6 альбомов от 50 к. до 75 к. за каждый альбом. Самоучитель Любавина (только полиграфической системы) — 2 р. Альбом Любавина (только по цифровой системе) — 2 р.

СТРУНЫ

и мелкие музыкальные принадлежности для всех инструментов, а также:

БАЛАЛАЙКИ, МАНДОЛИНЫ И ГИТАРЫ.

Самоучители, струны и инструменты высылаются по первому требованию наложенным платежом. Заказы до 5 руб. высылаются без задатка, свыше 5 р. — по получении задатка в размере 30% суммы заказа.

Пересылка за отчет заказчика. Заказы направлять по адресу: **МОСКВА (центр), Неглинный, 14/10 МУЗСЕНТОР ГОСИЗДАТА**

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ И ГИГИЕНЫ СССР.

ЦЕНА 1 кор. в капсулах — 60 коп. ■ ЦЕНА 1 кор. в таблетках — 40 коп.

Высылаются почтой наложен. платежом не менее 5 коробок. — Пересылка бесплатно.

ВНИМАНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИТИНА: „Употребление фитина в желатиновых капсулах не имеет никаких преимуществ перед приемом их в виде таблеток и основано на привычке, привитой частными фабрикантами в целях удорожания и излишней наживы. ■ В таблетках имеется то же количество фитина, того же качества. Число таблеток в коробке такое же, как и капсул в одной коробке. ■ Но упаковка в капсулы стоит значительно дороже, и потребитель, получая одно и то же, переплачивает за упаковку. ■ Употребляя фитин в таблетках, вместо капсул, Вы вместо одной коробки в капсулах за те же деньги будете иметь полторы коробки в таблетках“.

ГОСМЕДТОРГПРОМ

АДРЕС: МОСКВА, Центр, Госмедторгпром, Отдел посылок № 7.

ФОТО-ПОРТРЕТ

увеличение с любой карточки в пастарту и багетной раме 10×12 вершк. — 5 руб., 12×14 — 8 руб. **НА БРОШКАХ И БУЛВАНХ ФОТО-ЭМАЛЬ** Квадр., овалы и кругл. формы от 1-5 см. Больши. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к. Карточки высылаются без задатка (возвращу в целоости). Москва 21, Дашков пер., д. № пять. 8. Шиманович. **ПРИ 3-х ЗАКАЗАХ — 4-й БЕСПЛАТНО.**

ПРОИЗВОДСТВО НАРОДНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВИНОВАДОВА Москва, Центр, Бол. Сухаревск. пл. д. 9/4. **ВЕНСКИЕ 2 и 3 рядн. ГАРМОНИИ**

БАЯНЫ и ПОЛУБАЯНЫ. ЦЕНЫ — ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ — Преис-курнт высылаются за две 8 к. марк. Письма и заказы направлять: **Москва, почтамт ящ. № 739**

САМОУЧИТЕЛИ ГАРМОНИИ БАЯНА

для венск. ГАРМОНИИ — мал. трудности 1 р. 85 к., б. трудности 3 р. Для БАЯНА — малой трудности 3 р. 85 к., б. трудности 10 р. Пьесы и альбомы на равную цену.

Заказы адресовать: **Автору М. Н. ГЕРАСИМОВУ.**

МОСКВА, 10, ДОМИНОВСКАЯ 6

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ ЗА ОДНУ 8 КОП. МАРКУ

ПРОИЗВОДСТВО ГАРМОНИИ И БАЯНОВ

ПОЧИНКА

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ на ФОРМЫ ПЛИССЕ ГОФРЭ

образцы и руководство по требованию

А. ТУШНОВ.

МОСКВА, Арбат, 7.

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

САМОУЧИТЕЛЬ ВСЕХ РЕМЕСЛ В ОДНОЙ КНИГЕ. Плотнощич, столярные, токарные, отделка деревянных изделий, корзинные, бочарные, картонажные, переплетные, проволочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу паяние, лужение, никелирование, выделка овчин, варка мыла, выделка шпек, кистей, веревки, производство крахмала, зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные и штукатурные работы, изготовление детекторного радиоприемника. Со 148 рисунками. Цена с пересылкой 3 р. 50 к.

Можно послать мелкими почтовыми марками. Заказы и деньги направлять: **Книжный склад „НИИ ОВЕД“** **Москва, 19, ул. Горького 22.**

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданную по технике, медицине, сельскохозяйственным и др. вопросам.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ ВСЕХ УЧЕБ. ЗАВЕДЕНИЙ

Учр., орган. и школ. скидки. Высыл. немедл. наложенным платежом.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГ БЕСПЛАТНО

КНИЖНАЯ А. Г. АЛЕКСЕЕВА. **ТОРГОВАЯ** **МОСКВА, Центральный рын. № 767/0.**

СЛУЧАЙНАЯ ПАРТИЯ КАРАНДАШЕЙ

ЧЕРНЫХ, ПОЛИРОВАННЫХ, ХОРОШЕГО КАЧЕСТВА

Государственной фабрики **гросс 1 р. 75 к.**

Высылаются не менее 5 гросс. Задат. 25%. Перес. по себестоимости. Госпосыл. торговля

„УНИВЕРПОЧТ“ **МОСКВА, — центр,** **Московская ул., д. № 24/0.**

КАТАЛОГИ ТОВАРОВ „УНИВЕРПОЧТ“ — 30 коп.

МИЛЛИОНЫ

людей покупают

АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ

„РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального приготовления разных наливок, настоек, коньяка и ликеров прекрасного качества, вкуса и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка

Главный склад **П. ЗАКЛИН.**

Ленинград, Колокольная 13.

по первому требованию высылаем ассортимент в количестве не менее 10 коробок наложенным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

„СОВЕТСКОЕ ФОТО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА И ФОТО-РЕПОРТАЖА

ВЫШЕЛ И ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЕ № 1 (НОЯБРЬ).

СОДЕРЖАНИЕ:

Десять лет борьбы и строительства в иллюстрациях. Революционное десятилетие и фототехника.

Интернационал рабочих-фотографов.

О профессиональной ориентации в фотографии.

Фотографические беседы: Работа с камерами малых размеров, увеличение, проектирование изображений. Простой вертикальный увеличитель.

Как самому сделать кассету. Из практики для практики.

По иностранным журналам. Отзывы о снимках.

Партподписи-просветрота в Красной Армии и фотографии.

Фото-общественность. Послушный объектив.

Переписка с подписчиками. Библиография.

Забавные новинки.

Что делать фото-любителю в октябрьские дни?

Смотр фотографии в стенгазетах и др.

В номерах свыше 40 иллюстраций.

Номер вышел в увеличенном в полтора раза объеме.

Цена 40 коп.

Требуется во всех газетах, книжках.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

на 1928 год

(В 1928 году журнал будет выходить в увеличенном объеме).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 4 р. 75 к., с приложением „Фотографического Альманаха“ — 5 р. 75 к.; на полгода, без приложения — 2 р. 50 к., с приложением — 3 р. 50 к.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ:

МОСКВА 6, Страстная бульв., 1.

Акц. О-ву „Огонек“.

СЕРЬГИ

посл. моды Парижа серебр. с жемч. иск. высылаю налож. плат. по 3 р. за 1 пару на выбор. **Купи — ищи — 25% скидка.** **Ленинград, пр. Нахимова 13, кварт. 29, Л. Штейн.**

РАМКИ, БАГЕТЫ, ГРАВЮРЫ

■ ■ ■ ОТКРЫТКИ ■ ■ ■

■ ■ ■ и МАСЛЯНЫЕ КАРТИНЫ ■ ■ ■

выбор на картинке, дешевле, чем вез

высылают по получении задатка 25%

стоимости. **Москва, Сухаревский рынок 1485—86 И. М. ТЮРИН**

ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСКУРАНТ

Биллиардный мастер А. К. ФАЛИ

Ленинград, Чернышев п., 20. Т. 169-А

В ОКОПАХ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Очерк Андора Габора.

Во главе сильных молодых рабочих и крепких старых крестьян Золтан Санто предстал перед венгерским классовым судом, и ни ему, ни его товарищам ни на минуту не приходит в голову, что они здесь обвиняемые, что им нужно защищаться... Он точно так же, как и другие, выступает здесь спокойным обвинителем. Они все обвиняют венгерское правительство, убийц и угнетателей рабочих и крестьян, они выступают против белого террора, преобразившего революционную Венгрию в тюрьму для голодного кули и бесправного пария. Процесс разворачивается в обычных рамках: вверху—тупые судьи, внизу—сознательные обвиняемые.

Тупой судья задает вопрос, на который он сам не может ответить и думает, что на него не ответит и подсудимый:

— Что такое ленинизм?

И когда подсудимый, простой батрак, не теряется от этого вопроса, а четко и разумно объясняет, в чем заключается лени-

в самых мрачных углах Европы. Кто же является дирижером этого хора, увлеченного музыкой будущего?

— Золтан Санто.

О других подсудимых можно рассказывать часами, о нем многого не расскажем. Его жизнь—типичная жизнь современного подпольщика: то, что в ней интересно, нельзя рассказать; то, о чем можно говорить,—неинтересно. Он один из тех, чей жизненный путь станет известен только после победы мировой революции. Он молодой, он происходит из революционной семьи, его брат был одним из вождей венгерской Красной армии. Еще до революции он был слушателем медицинского факультета, но его интересовали не профессора, а голоса студентов, и он был весь в студенческом движении, а не в академических занятиях. Там он установил связь с юношеским движением. Когда пришла революция, он боролся, как полноправный член революционной семьи и затем был вынужден эмигрировать. Семь лет—семь раз, двенадцать месяцев подпольной работы—все эти времена не могут быть еще описаны здесь. Если нужна была тяжелая, опасная, „чистая“ работа, Золтан Санто брался за нее спокойно, скромно и без лишних слов бросался в опасность, преодолевая все препятствия и выходил победителем.

Вот один эпизод: мы шли вдвоем по улице Вены. Санто должен был уехать в одну из стран белого террора, куда в те времена не только литературу, но и простое письмо нельзя было переправить спокойно. Там еще не знали Санто. Поэтому он тихо и спокойно взялся за поручение. То, что Санто не знал страны, в которую отправлялся, делало его предприятие опасным, грозившим гибелью. И когда мы шли по улице, почти молчаливо, я заметил:

— Это прекрасное задание, но ведь оно сопряжено с большой опасностью для жизни.

Санто ничего не ответил. Но когда мы дошли до перекрестка и хотели перейти на другую сторону, он меня взял за руку:

— Товарищ Габор, конечно, вы здесь не будете переходить?

— Почему же нет?

— Разве вы не видите, сколько здесь автомобилей, трамваев и автобусов? Они же могут вас переехать.

— Но мы должны это сделать, если мы хотим быть на другой стороне.

— Ну, вот видите, товарищ Габор,—спокойно ответил Санто,—так и я должен ехать, если мы хотим, чтобы удалось то, ради чего я еду.

Другой эпизод: когда в Будапеште начались аресты, неизбежно вызывающие панику среди наших товарищей, Санто не поспешил со своим отъездом. Он привел в порядок все свои дела, спал то, что еще можно было спасти, и лишь потом отправился на вокзал.

В тот самый час, когда Санто сел в поезд, в лапы полиции попал человек, который знал псевдоним и адрес Санто. Трое су-

ток этого несчастного подвергали пыткам и истязаниям, и когда, совершенно обессиленный, придя в сознание, он выдал кличку и местожительство Санто, жандарм ударил

Золтан Санто в дни ареста.

его изо всей силы резиновой палкой и закричал в бешенстве:

— Теперь ты сказал это, негодяй. Теперь, когда он уже за тридевять земель.

Полиция, только порядка ради, дала знать на все пограничные пункты о бегстве Санто. Он мог быть еще арестован. А он был до последнего часа, до последней минуты на своем посту, а не бежал за тридевять земель.

Еще один эпизод, героем которого является не Санто, а его маленькая дочь.

У Санто молодая жена и удивительно милая дочь. Они жили в Вене, когда Санто был арестован, и оставались в Вене во время судебного про-

цесса, когда судьи хотели набросить петлю на шею Санто.

Как-то вечером дочурка Санто спросила:

— Скажи, мамочка, разве папа не самый лучший человек в мире?

— Да, Катя, ты ведь это знаешь!

— Я знаю это, мамочка, но тети, наша соседка, сказала мне сегодня, что моего папу повесят во славу божию... Она сказала: „во славу божию“.

Стало тихо в комнате; смертельная опасность еще витала над головой Санто. Нельзя было еще сказать его дочери, что отца не повесят. Все это знаешь!

И маленькая девочка спросила еще:

— Скажи, мамочка, что же это за мир, где вешают лучших людей?

Теперь дочурка Санто живет в Москве. Здесь могут дать ей правильный ответ на ее вопрос. Мир, в котором вешают лучших людей—ведь это и есть капиталистический мир.

Перевел с рукописи А. О.

Золтан Санто в Вене.

низм, судья смущается и от имени своего класса лишает слова подсудимого.

Молодые рабочие и старые крестьяне стоят перед судом, и о каждом из них можно рассказывать часами; до того увлекательна их революционная жизнь. Между ними есть юноша, который еще не достиг 24-летнего возраста, но он уже сидел в тюрьмах всех „просвещенных“, высоко-

демократических стран средней Европы: в Праге, как и в Вене, в Вене, как и в Берлине, в Берлине, как в Париже. Когда он уже был выслан из всех европейских стран, случилось мне очутиться с ним в одной столице. Уже на третий день он стал томиться своим бездельем, а на четвертый заявил мне, что он хочет вернуться в Венгрию для подпольной работы, хотя он хорошо знал, что он получит за эту работу от 5 до 10 лет тюрьмы.

Мощный хор подсудимых предстал перед судом венгерских господ, и революционная песня, которую затянул этот хор, отдается

Золтан Санто—командир первого международного красного полка в 1919 г.

Жена Санто и дочь Катя.

Кемаль-паша оратор. На последнем с'езде турецкой народной партии выступил президент республики Мустафа Кемаль-паша. Он произнес беспримерно длинную речь, заняв

шью 36 часов 33 минуты. На выслушивание речи главы молодой турецкой республики пришлось посвятить шесть заседаний с'езда.

На снимке: Мустафа Кемаль-паша произносит свою речь.

Новый польский герб. Польское правительство в недавнем заседании утвердило новый государственный герб, сделанный по рисунку проф.

Зигмунда Каминского. Интересно отметить, что традиционный польский орел увенчан королевской короной и имеет достаточно хищный вид.

Новая жертва классового правосудия. Американская буржуазия не удовольствовалась тем, что казнила на электрическом стуле Сакко и Ванцетти. Она продолжает свою расправу со всеми защитниками рабо-

чего класса. Так недавно американский суд приговорил к году тюремного заключения секретаря комитета защиты Сакко — Ванцетти, Мэри Дауовен.

На снимке: Мэри Дауовен.

Новый полпред во Франции. Вновь назначенный полпредом СССР во Франции Валерий Савельевич Довгалецкий, бывший наш полпредом в Японии, выехал из Токио. Тов. Довгалецкий родился в 1885 году в Киевской губ. и с 1904 года стал работать среди крестьян в качестве пропагандиста. Уже в конце 1905 г. тов. Довгалецкий переходит на нелегальное положение, в 1907 г. присуждается в ссылке на вечное поселение в Приамурский край. В. С. Довгалецкому удалось бежать из ссылки за

границу, где в 1908 г. он вступил в ряды большевистской партии. После февральской революции тов. Довгалецкий вернулся в Россию и занимал ряд ответственных постов в Киеве и Ленинграде. В 1921 г. он назначается Наркомпочгелем РСФСР, а с 1923 г. заместитель Наркомпочтеля СССР. С осени 1924 г. тов. Довгалецкий был полномочным представителем Швеции, с начала 1927 г. полпредом СССР в Японии.

На снимке: В. С. Довгалецкий в Японии.

Потомственные империалисты. Как известно, отцом английского миньонда Остина Чемберлена был известный политический деятель прошлого столетия Джозеф Чемберлен. Он являлся ярким сторонником империалистической политики в британских колониях и за-

щитником идеи великодержавной Англии. Таким образом Остин Чемберлен является по существу — тенью своего отца. Да и по внешности сын очень похож на своего знаменитого родителя.

На снимке: две восковых фигуры из знаменитого музея мадам Тюссо — Джозефа Чемберлена и его сына Остина Чемберлена.

Новые волнения в Албании. Недавно в Праге был убит албанский посол Цена Бег. Убийца — албанский студент Алкивиад Веби заявил, что он совершил убийство по причинам политического характера. Как известно, это убийство является выпадом против Юго-Славии, т. к. Цена Бег

считался ярким сторонником сербофильских идей. Его убийца совершил свое преступление после путешествия в Италию и на допросе даже не пытался скрыть своих симпатий к Муссолини и агрессивному характеру итальянского фашизма по отношению к Юго-Славии. По последним сообщениям в Албании вспыхнуло восстание против диктатуры Ахмед Зогу, албанского диктатора и вассала итальянского фашизма. Таким образом убийство Цены Бега, восстание на севере Албании — все это факты одного порядка, свидетелем

ствующие с одной стороны о росте фашистских настроений в правящих кругах Албании, с другой стороны — о приближении того часа, когда угнетенные меньшинства Балкан придут к решению сбросить с себя иго албанских и других феодалов.

На снимке: Цена Бег — албанский посол, убитый в Праге. Внизу — студент Алкивиад Веби, убийца Цены Бега.

Хозяин Пальши. Предоставив Польше заем в 60 млн. долларов, американские банкиры

выговорили себе право контроля над польскими финансами и вообще над всем хозяйством. Осуществлять американский контроль будет так

называемый „наблюдатель“ Чарльз Девэй, который фактически является хозяйственным диктатором Польши. Чарльз Девэй, портрет которого мы здесь помещаем, уже находится по пути в Польшу.

В приятном обществе. Не только президент Северо-Американских Штатов Кулидж, но и его жена постоянно находятся под охраной целой

армии полицейских агентов и сыщиков.

На снимке: мистрис Кулидж, жена американского президента на прогулке в го-

рах Южной Дакоты в сопровождении агента тайной полиции.

Доктрина Монро разрушается. В центре Нью-Йорка находится полуразрушенный дом бывшего президента С.-А. Соединенных Штатов Монро. Джемс Монро (1758—1831) считается создателем знаменитой доктрины

„Америка для американцев“. Не только дом бывшего американского президента, но и его доктрина ныне получили не мало сокрушительных ударов.

На снимке: развалины дома Монро.

Фальшивые 15 „сдоек“, сделанные в Германии. Эта бона

наведена в числе денег, выдававшихся русским военнопленным в 1919 году перед их возвращением из плена.

Нашел подходящую невесту. Болгарский король Борис, который странствовал по Евро-

пе, на снимках: болгарский король Борис — жених и итальянская принцесса Джованна — невеста.

пе в поисках подходящей невесты, остановил свой выбор на дочери итальянского коро-

Смерть Аррениуса. Недавно скончался знаменитый шведский химик Сванте Август Аррениус. Аррениус родился в 1859 году, в 1895 г. стал профессором физики в Стокгольмском университете и с 1906 года занимал пост директора физико-химического от-

дела Нобелевского института. Несколько раньше, в 1903 году он получил Нобелевскую премию по секции химии. Аррениус считается создателем теории электролиза. Из его главнейших работ надо отметить: „Теория химии“ и „Происхождение миров“, написанные по-шведски и переведенные на многие европейские языки. На снимке: профессор Аррениус.

ля Гумберто. Этот „политический брак“ знаменует собой объединение итальянских и болгарских фашистских идей.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ИМЕНИ СУН-ЯТ-СЕНА

Каждое утро на Волхонке у Крапоткинской набережной несколько сот юношей и девушек занимаются физической тренировкой. Все они смуглые, небольшого роста, необычно выговаривают русские слова; часты лица в больших роговых очках—не то от близорукости, не то „для красоты“. Это молодая гвардия имени Сун-Ят-Сена, учащиеся московского университета для китайцев. Меньше, чем за два года университет успел в значительной мере превратиться из университета для китайцев в китайский университет на территории Москвы. Когда приехали сюда учиться, русский язык был для них вроде „китайской грамоты“, и вот уж многие настолько овладели языком, что успешно выполняют сложную работу переводчиков и сами ведут кружковые занятия. А в государственном университете Пекина на изучение русской речи положено пять лет, и этих пяти лет не хватает.

Пройдитесь по аудитории! На столах груды книг. Примечательный подбор: Сталин „Вопросы ленинизма“, „Братья Карамазовы“, труды Бухарина, Чехов, вопросы организации Красной армии, история общественных форм, русский песенник.

Учебный план предусматривает наибольшее использование конкретного китайского материала. Но этого китайским студентам мало: удалось ненадолго попасть в Советскую Россию, так уж надо успеть впитать в себя как можно больше советского опыта, советской жизни, советского пафоса. Конечно, ни на минуту не получается отрыва от Китая.

Ведь там происходит борьба, рассчитанная не на недели и не на месяцы. Туда вернется по окончании курса китайский студент, — если раньше не вызовут его на родину для того, чтобы служить трудящимся Китая, пославшим его учиться в далекую дружескую Москву.

И он учится, учится не только на лекциях, в кружках, библиотеках, экскурсиях. Пройдитесь по университетским коридорам. На стенах поражающее количество огромных бумажных простынь, кропотливо разрисованных причудливого характера буквами. Это стенгазета на китайском языке. О чем в ней написано? Не о принципах ли философии Конфуция? Ведь именно эти принципы преподаются в школах Ки-

тая мальчикам, едва достигшим десяти лет. Нет, в стенгазете ведется непрерывная дискуссия по животрепещущему вопросу о классовом характере китайской революции. Из 21 провинции Китая 15 имеют своих представителей в университете,

„Теплое солнце, солнце!
Красивая луна, луна
Осветила юную печальную Чю-Сяню.
Ах, скучная, печальная Чю-Сяня!“

Это из старой китайской песни-легенды. Чю-Сяня печальна от того, что она—„девочка-раб“, как поясняет юная свободная

Чю-Сяня,—да, именно так зовут ее. Увы, невольничество в Китае — тема не только легендарных песен, но и современных административных декретов. „Кантонская Газета“ печатает в январском номере текущего года „Правила для уничтожения рабства девушек, —зла, распространившегося по всей провинции Гуан-Дун“. В тексте правил констатируется, что „с невольницами, называемыми приемными детьми, и прислугой обходятся, как с лошадьми или коровами“. Пункт второй правил гласит, что „невольницы должны быть немедленно освобождены, а классовое различие между рабами и хозяевами — уничтожено“. Лица, нарушившие указанные правила, подлежат обложению денежным штрафом.

Чю-Сяня рассказывает, путаясь в выражениях, о своей жизни. Ей 21 год, она женщина, но кажется девочкой. Маленькая, хрупкая, с нежным личиком и бесстрашными решительными глазами. Родилась в провинции Шань-Дунь. Ребенком была по письменному договору предназначена в жены богатого китайца. Училась в школе, затем и в пекинском университете. Боролась с преследованиями реакционной семьи, наконец бежала из дому и вступила сначала в коммунистическую партию, затем в Гоминдан. Ее послали в Москву учиться. Отец не раз писал ей сюда, угрожая „проклятием всего китайского народа“, если она выйдет замуж по своей воле, так как брачный договор, подписанный китайцами, нерасторжим.

Гляжу на ее ноги, не отличающиеся миниатюрностью. А ведь в течение целых пяти лет ноги этой маленькой революционерки были жестоко забинтованы, как это обычно практикуется в Китае. Она улыбается: „Больно, очень больно. Но это было, а теперь ничего не видно“. И добавляет: „Всем китайским женщинам больно“. Но теперь они знают, как надо защищать свои права.

Александр Лукин.

...Маленькая, хрупкая с нежным личиком и бесстрашными решительными глазами...

Фот. С. Фридлянда.

в том числе и наиболее отдаленные от Шанхайской провинции, как Сы-Чуань и Гань-Су.

Хотя прекрасно можно учиться и в Китае, но там—наука вообще, „принципы“, — в Москве же преподается наука, нужная до зарезу сегодня, нужная не просто для саморазвития, а для использования в освободительной борьбе.

Спросите студента китайца, посетившего театр Мейерхольда, понравилась ли ему пьеса „Рычи, Китай“. Взглянув поверх вас, он радостно улыбнется: „Это очень хорошо. Надо много, много учить Китай“. То-есть, чтоб „рычи“ было не впустую, необходимо „учить“. И Китай учиться.

ЛЕНИН И ТОЛСТОЙ

Иду по Кремлю.

Впереди, в отдалении, около Малого дворца, маячит кучка людей, медленно подвигающаяся вперед...

За ней, в близком отдалении, кто-то в черном. Вспоминаю: да ведь это Владимир Ильич!

— Что такое? — думаю. — Время тревожное — 18-й год, весна, а он один и тут какие-то незнакомые люди...

— Гуляет... Не любит он, чтобы мешали ему „гулять“ и нарушали бы его раздумье. Пойду навстречу. Так лучше... — подумал я. — Как будто бы встретился случайно, неожиданно. Посмотрю, что там за люди... Боязно как-то... — и сейчас же мигом, через двор казарм, туда к Успенскому собору, и почти бегом, к памятнику Александру II.

Смотрю, идет за двумя красноармейцами и двумя рабочими. Пересекает площадь к памятнику...

Я замедлил, и, когда они пошли по тротуару, я навстречу.

Лицо Владимира Ильича веселое, улыбающееся. Вскинул на меня глаза, приветствует, зовет... Я к нему...

— Преприятная встреча, — говорит тихонько мне, здороваясь. — Как зол народ! Как ненавидит старое... Вот идут, осматривают Кремль. Останавливаются около дворцов и с ненавистью говорят о царях, о вельможах, о чиновниках, о том, как они здесь жили, чем пользовались, и как народ угнетали... И как все просто, ясно... Ненависть огромная, рождающая силы и энергию на борьбу...

Да, их теперь не уговоришь на реформы, на половинчатость... Им нужна революция, доведенная до конца...

И мы остановились у памятника и любовались видом на Замоскворечье.

Владимир Ильич вдруг круто повернулся и посмотрел туда, где виднелся Иван Великий, Успенский собор...

— Толстого где предавали анафеме, когда отлучали от церкви? — спросил он.

— В Успенском соборе прежде всего, а потом, как полагается, во всех церквях...

— Вот тут-то бы и надо поставить ему памятник, — сказал он вдруг.

— Вот этого снести, — показал он на порфиросную фигуру Александра II — все это преобразить, — и он окинул все, что вокруг памятника — и сюда Толстого, облачающего церковь, громающего царей, бичующего богатство, собственников, роскошь...

И Владимир Ильич стал с увлечением говорить о Толстом, которого мы мало знаем, который классово, конечно, не наш, но который своим гениальным, беспощадным анализом современной ему действительности, дал изумительные образцы пронырливости и потрясающих картин народной жизни...

Мы прошли мимо Успенского собора и вскоре вернулись в Совнарком...

Не раз мне приходилось слышать от Владимира Ильича о том, что нам необходимо тщательно пересмотреть все сочинения Л. Н. Толстого и, помимо полного академического издания, выпустить множество его рассказов, статей, отрывков отдельными брошюрами и книжечками и распространить их в сотнях тысяч экземпляров повсюду, как среди крестьян, так и среди рабочих. Еще в 1918 году, вскоре после того, как Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, в ответ на предложение В. Г. Чертова, которому Л. Н. Толстой поручил заботу о полном посмертном издании сочинений его, Владимир Ильич распорядился весь этот вопрос поставить в кратчайший срок в коллегии Наркомпроса, где он тогда же был раз-

решен принципиально в благоприятном смысле и, как известно, в настоящее время осуществляется, благодаря особому постановлению Совнаркома.

Владимир Ильич, — как и Г. В. Плеханов, — очень любил читать произведения Льва Николаевича и даже находил время прочитывать томы писем и дневников Льва Николаевича, к тому времени уже появившихся в свет.

Относясь критически к философии Л. Н. Толстого, считая, что его проповеди противопоставлены злу, опровержения и пр. несомненно реакционны, Владимир Ильич умел и здесь подойти с глубоким анализом ко всей системе мыслей, образов и взглядов гениального художника.

„Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова“, — писал Владимир Ильич в статье „Л. Н. Толстой и его эпоха“.¹ „Но отсюда — продолжает он, — вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный мате-

Площадь Кремля.

риал для просвещения передовых классов“.

Толстой для Владимира Ильича — это целая эпоха. „Умер Лев Толстой“, — пишет он сейчас же по получении известия о его смерти. — „Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по своему мировому значению русской революции“.² Отдавая полную дань гениальному творчеству великого писателя, Владимир Ильич утверждает, что „Л. Н. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, прижатых крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества“.

Владимир Ильич своим замечательным проникновением не отделяет художника Толстого от Толстого — мыслителя, как делают это многие.

„И Толстой — пишет Владимир Ильич в 1910 году, — не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценны и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов. Он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861 — 1904 годов, Толстой поразительно рельефно во-

плотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель, и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость“.

Первая русская революция, — знаменитый 1905 г. — его всполохи, его первый, невиданный никогда ранее в России, великая борьба, связанная с всеобщей забастовкой, грандиозными демонстрациями, с восстаниями во флоте, с бунтами в действующей против японцев на Дальнем Востоке армии, с крестьянскими республиками, уничтожавшими „паучьи гнезда“ — старые дворянские поместья, борьба и пламя, пожары и экзекуции, восстания и казни. Это уже история, история давнишняя, вслед за которой была империалистическая война, был мятежный Февраль, был великий Октябрь.

И вот наступает время изучения этой истории, начало которой лежит три четверти века тому назад. И сам Толстой и все его произведения — от малого и до великого, во всей своей цельности и совокупности, — являются великими документами героической борьбы наших предшественников — предтеч социальной революции в нашей стране.

„Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему, — говорит Владимир Ильич. — Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат“.¹

И это „будущее“ придвинулось к нам вплотную. Главнейшая задача совершена нашим боевым пролетариатом.

Старая Россия повержена в прах, и цепи, ее сковывавшие, диктатурой пролетариата разбиты по звеньям.

Наступило время мирного социалистического строительства. В настоящее время, когда враги наши, хотя еще и стоят у ворот наших форпостов, но все-таки приутихли, мы должны приложить руки, чтобы по отношению к нашей гордости — к гениальным творениям Л. Н. Толстого, — мы выполнили давнишний завет Владимира Ильича. „Толстой — художник известен ничтожному меньшинству даже в России“, — писал семнадцать лет тому назад Владимир Ильич. — „Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, заботность, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот“.

Социалистический переворот совершен, закреплен, удержан.

И теперь на культурном фронте мы должны выполнить и этот завет Владимира Ильича: произведения Л. Н. Толстого должны сделаться действительно достоянием всех. Мы имеем на этот счет и директивы нашей Коммунистической Партии и прямые распоряжения всесоюзного Центрального Правительства.

Нам остается только свято, энергично, бережно, с глубокой преданностью делу, выполнить все эти предначертания. Осуществить, — превратить в жизнь завет Владимира Ильича.

И мы претворим, мы осуществим, мы сделаем это во имя нашей социалистической культуры в нашей новой, рождающейся к социалистической жизни, свободной стране.

Влад. Бонч-Бруевич.

¹ Полное собрание сочинений, т. XI ч. II, стр. 174.

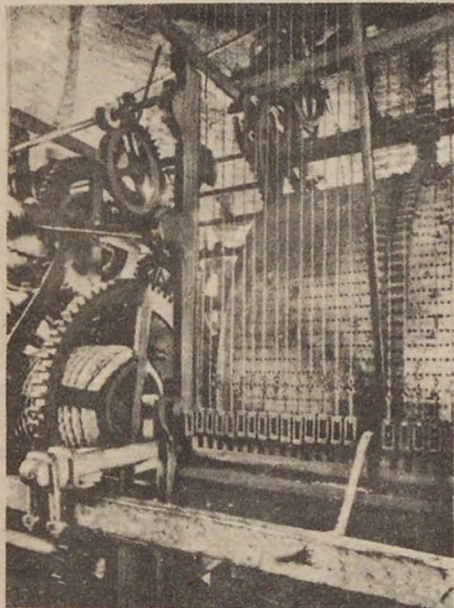
² Полн. собр. сочин., т. XI ч. II стр. 115.

¹ Полное собрание сочинений, т. XI ч. II, стр. 118.

² Там же 115 стр.

КУРАНТЫ ИГРАЮТ

Отбивали четверти часы Спасской башни Кремлевской стены. А в 3, 6, 9, 12 часов, днем и ночью, движимые часовым механизмом, спасские куранты играли торжественное „Коль славен“ и браваурный Преображенский марш.

Вал для курантов.
Фот. С. Фридлянда.

Приходили на Красную площадь туристы—послушать музыку курантов. Проверили по башенным часам свои часы прохожие.

На Спасской башне, на ее часах и курантах, сделали свои зарубки разные исторические события. Спасские часы и куранты, как некий символ нерушимости существующего порядка вещей, были в почете у московских и петербургских царей, у всех больших людей эпохи.

Менялись цари, сверкали молнии революций, а куранты неизменно играли „Коль славен“ и „Преображенский“. Из года в год, из десятилетия в десятилетие. И только в октябрьские дни семнадцатого года часы Спасской башни остановились, куранты замолчали.

Четыре орудийных снаряда угодили в часы—будто специально метили в них артиллеристы. В выходящий на Красную площадь циферблат попали два снаряда; из всего циферблата после бомбардировки Кремля сиротливо торчали только две цифры—XI и XII. Часовая стрелка была перебитая. А маятник, отмеривавший время, был просто украден: он был позлащен сверху, и воры решили, что он целиком состоит из золота, его оторвали вместе с пружиной. В механизме валы оказались согнутыми, шестерни разбитыми.

Телеграммы сообщили по всей стране о гибели Спасских часов и курантов. И буржуазные газеты не замедлили пролить слезу по этому поводу и сделать грустные выводы. Газеты видели в часах и курантах музыку мирно текшей жизни. Они говорили, что еще ни одно событие не останавливало Спасских часов в течение больше чем века и не прекращало игры курантов. И вот, в большевистскую революцию, часы разбиты, куранты замолчали. Жизни больше нет. Жизнь начнется тогда, когда куранты снова заиграют „Коль славен“ и „Преображенский“.

Не дождался осуществления своей мечты эти газеты.

Когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, В. И. Ленин с огорчением осматривало, что осталось от Спасских часов. Он захотел обязательно восстановить их и заставить куранты играть, но играть по-новому. Были вызваны комиссар Кремля Вайман и заведующий технической частью Морковников. Решили опубликовать в газетах предложение о порядке по восстановлению часов и переделке курантов.

Вереницами потянулись на Спасскую башню специалисты—инженеры боялись браться за работу, потому что не были специалистами по часам. Часовщики, привыкшие орудовать маленькими пинчиками и молоточками с вооруженным душой глазом, были просто подавлены громадностью механизма, в котором нужно было действовать

кувалдой. Иные специалисты уклонялись от какой бы то ни было совместной работы с большевиками.

Слесарь кремлевских мастерских Н. В. Беренс, исправивший кремлевские часы и куранты. Тов. Беренсу 63 года. Фот. Н. Яковлева.

В беседе с Ильичем комиссар Вайман как-то сообщил, что в кремлевских мастерских работает слесарь Н. В. Беренс, отец которого в свое время состоял на службе у братьев Бутенюп и в 1851 году вел непосредственную работу по ремонту Спасских часов. Беренс—сын также был обучен часовому искусству, и Вайман высказал предположение, что он возьмется за восстановление часов.

Старик-слесарь Беренс нередко до этого встречался с Владимиром Ильичем—то ключи ему делал для столов, то вскрывал личики столов, когда Ильич терял ключ. Беренса вызвали и на этот раз к Ильичу.

—Как хочешь, а часы переделай,—сказал мне с улыбкой Владимир Ильич,—так рассказывает сам Беренс, ныне по инвалидности уже не работающий в кремлевских мастерских.

Беренс взялся за работу. „Пять суток, день и ночь, ломал голову, делал вычисления. Просил инженеров помочь сделать маятник—они отказались. Самое главное—маятник. Как его сделать? Какого веса, размера? Чуть с ума не сошел за эти пять суток. Ночью сидел, вычислял—будто что-то выходит. Утром взглянешь на механизм часов, на разбитые шестерни, на пустое место там, где должен быть маятник на разбитую стрелку—и жутко становилось...“

Однако, сделал. Маятник был выкован, налит свинцом, размер и вес его выверены. Стрелку спаяли, шестерни исправили, натянули канаты. Часы были восстановлены без нарушения конструкции, а на курантовый вал с помощью музыкантов набраны пьесы.

И 7 октября 1919 года куранты заиграли. Но заиграли они не „Коль славен“ и „Преображенский“, а „Интернационал“ и „Похоронный марш“.

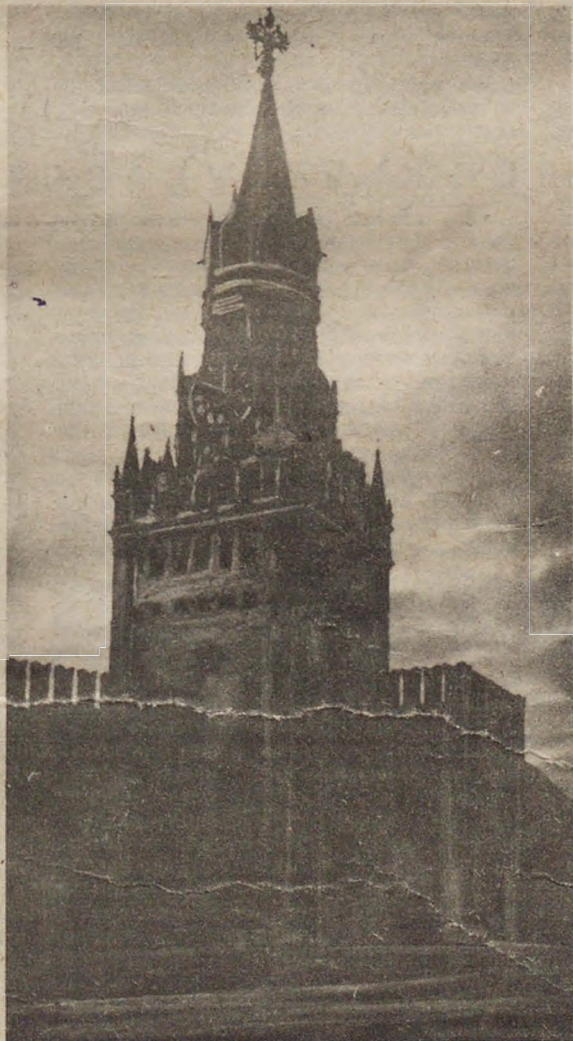
Ильич был растроган, когда услышал новую музыку курантов. Он благодарил Беренса и, по его распоряжению, Беренсу дали 15 тысяч наградных.

Куранты играют над мавзолеем Ленина и сейчас. Каждый день специальный рабочий, обученный Беренсом, приходит к часам и заводит их.

Когда по лестнице Спасской башни поднимаешься в восьмой этаж, куда не дотягивает уличный шум,—целиком пропикаешься ощущением неуловимо движущегося времени. Громадный маятник, в два аршина и три с половиной вершка длиной, в тишине мерно отбивает свой ритм.

А радио днем и ночью в 12 часов передает игру кремлевских курантов, заглушающих привычный для радиослушателей традиционный бой часов Вестминстерского аббатства в Лондоне.

Ал. Терской

Спасская башня Кремля с знаменитыми часами.

Вышел из печати и рассылается сборник

„10 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“

Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения советской страны.

ВЗГЛЯНУВ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО

Стихи Носифа Уткина.

Пусть будут и целью и знаменем.
Я знаменем сделать готов
И волосы черного пламени,
И пламя гражданских трудов.

Военная обстрелянная суша,
Я доброй памятью
Опять к тебе приник.
Как конь, дрожала
Броневаля туша,
И конь дышал,
Как броневик

Горячий плод...
Пылающий осколок.
Осколок, плод
Отчаянных годин—
Исколесил я
По дорогам голым,
Узнал и позабыл

Я город
Не один...

И в эти дни,
На бурном бездорожье,
Когда захлестывало причал,
Как эти дни,
И бурных,
И тревожных,
Тревожных женщин
Я встречал...

Два дня
На севере,
Четыре—
На востоке,
И что сказать мне:
— Не был
Или был?
И позабыл я
Спутниц недалеких,

Как города,
И спутниц
Позабыл.

Есть женщина,
Размеренность и строгость,
Покой и простота
В руках,
У губ,
У век.
Благословенна звездная дорога.
Благословен простейший чело-

Да, я всегда,
Солдатом и поэтом,
И под огнем,
И в трудовой покой,
Всегда мечтал я
Именно об этой,
Всегда я думал
Только о такой.

Нам в жизни
Каждому
Хорошего немножко
— Одну простую мне.
Взамен роскошных ста.
Я знаю: простота
Всегда сильней,
Чем роскошь.
Сильней, чем роскошь,
Знаю,
Простота.

Военная обстрелянная суша,
Я доброй памятью
Опять к тебе приник,
Как конь, дрожала
Броневаля туша,
И конь дышал,
Как броневик.

Носиф Уткин.

НЕПОПРАВИМОЕ

Отрывок из нового романа „Михаил“ Панаита Истрати.

Это происходило во время русско-японской войны. Поражение русских стало очевидным, и много православных и других жителей Браилы теряли время в чайных, чтобы вступить за действия „батушки-царя“, который посылал своей армии в Манчжурии—место вооружения—икону для каждого солдата в то время, как его противник отвечал из Токио—рисом, снарядами и одеждой.

Имена городов, крепостей и генералов, еще накануне неизвестных жителям Браилы, стали настолько популярными, настолько близкими, что дети, играя в солдаты, похлопывали себя по подшвам, выкрикивая:

— Ку-ро-пат-кин. Порт-Ар-тур!

Большие газеты утроили свой тираж, кабачки и чайные—число посетителей. Отцы семейств, которые не дригали и у которых не было средств выпивать вне дома, начали бывать там почти каждый вечер, чтобы за стаканом чая послушать военные новости, почитать газеты и поболтать о том, что делается на другом конце мира.

В этот вечер, хотя давно уже наступил час обеда, споры продолжались с неостывающей страстью, никто не думал о том, что дома ждет готовый обед. Дело в том, что телеграф принес большую новость с Дальнего Востока и преподносил его людскому стаду, как десерт—потопление японцами большого русского броненосца „Петропавловск“.

Ах, какой чудесный специальный выпуск газеты можно сделать с такой новостью! Стоит быть хозяином-директором большой газеты! Жаль только, что нельзя устраивать войны каждый год, и что не каждую неделю тонет броненосец, все равно где, как и кто! Что касается интерпретации такой новости, ну, это не может затруднить журналиста: если катастрофа произошла у нас, которой не симпатизируют, о ней слагают радостные гимны, если же это касается „народа“, которому симпатизируют,—вопят о мщении и разжигают ненависть. И в том, и в другом случае газета продается, тираж растет и вместе с тиражом ее популярность, а, главным образом, ее часть в государственных бюджетах.

В маленькой, отдельной комнате, окно которой выходило в чайную, трое друзей ожидали чай. Михаил читал вечернюю газету, а двое других грелись возле горячей стены, за которой стояли котлы. Они радовались, что были одни. Шум до них почти не доносился. Как и все, они интересовались военными событиями, но равнодушно, как люди, личное дело которых заботит их прежде всего,

Пользуясь кратковременным одиночеством, Самоила тихо рассказал Адриену разговор, который у него был в пути с Михаилом. Он отдал дань уму их друга, но в конце сделал следующее замечание:

Послушайте, Адриен! Не будете же вы мне доказывать, что этот человек, образованный и знающий языки, способен только продавать пирожные, которые он фабрикует ночью в грязи и вшах. Если б он захотел, я бы завтра же одел его и нашел бы ему подходящее занятие. Ведь это же не жизнь! Он бежит от людей и люди от него сторонятся. Сегодня ищут человека, как во времена Диогена-циника, а когда его находят, то нужно опускаться до его нищеты, вместо того, чтобы подняться до его благополучия... Нужно одеваться в лохмотья, как он, и не брать его под руку, чтобы не поймать некоторых из его пансионеров. И не пробуйте говорить мне, что это идеал!

Вошел мальчик с подносом, на котором был целый арсенал тонкого фарфора, богато размазанного и позолоченного. Крышки плясали на кипящих чайниках, блюда звенели, как бронзовые—чай Попова, лучший сахар—все за 60 сантимов!

Умирающий от жажды Петров набросился на поднос, схватил стаканы, дал каждому, потом со щипцами в руке спросил друзей:

— В прикуску?

— В прикуску,—ответили они.

И во мгновение ока пять кусков сахара, различной формы, на редкость геометрически гармоничных, были расщеплены в кучку маисовых зерен. После этого каждый, вылив половину стакана на блюдце, поднес его более или менее грациозно к губам. Все пили одинаково шумно, так как напиток был очень горяч,—единственное, из-за чего человек, пьющий чай, должен наливать его в очень плоское блюдце. Так дошли они до пятого стакана, потел, вытираясь, беспрерывно призывая мальчика металлическим „так-так-так“, крышкой чайника, для того, чтобы он приносил им еще и еще кипятку (все за те же 60 сантимов!). Внезапно, заглянув в газету Михаила, Адриен воскликнул:

— Какой ужас! Верещагин убит во время взрыва на этом проклятом броненосце „Петропавловск“!

— Не может быть!—застонал Самоила, вскакивая со стула.

Вырвав газету из рук Адриена, он дрожа прочел телеграмму, которая объявляла о катастрофе адмиральского корабля и большими буквами—о смерти художника. Он хотел сказать что-то, но глаза его наполнились слезами, и голова упала на сложенные на столе руки.

(Через десять лет, 31 июля 1914 года, Адриен увидит сотни грубоватых людей, которые будут бегать по набережной порта, крича: „Жорес убит!“ „Жорес умер!“ И у многих из них глаза будут полны слез. Они никогда не видели и никогда не слышали Жореса).

Верещагин открылся идеалистической румынской молодежи этой эпохи благодаря русско-японской войне. Два из его произведений, вдохновленные избиением 1904 года и перепечатанные на тысячах открыток, стали более чем популярны: его знаменитая „Пирамида черепов“ и „На Шинке все спокойно“. Они были повешены во всех домах, и влияние их было еще большим оттого, что Верещагин рискнул своей жизнью (он даже ею пожертвовал, как они в тот день узнали), чтобы служить человечеству и бороться с его злейшим бичом.

Петров поистине преклонялся перед благородством художника.

Эта трагическая смерть привела его в отчаяние, равное тому, которое испытали столько честных душ, в тот день, когда великая жизнь Жореса кончилась, благодаря пуле идиота.

Понимая его горе, Адриен нежно гладил руку друга. Что касается Михаила, этот таинственный человек ничего не проявлял. Упершись локтями в стол, он молчал и, как бы равнодушно, курил.

Самоила поднял голову, вытер глаза и сказал придушенным голосом:

— Я не отдал бы ни одного дня, чтобы удлинить жизнь моего отца, но я отдал бы половину оставшейся жизни, чтобы воскресить Верещагина...

И он продолжал горевать в молчании, которое последовало за его словами, устремив глаза на буквы роковой телеграммы.

— Ах, сколько потеряно! Кто знает, сколько шедевров погибло вместе с ним! Это катастрофа для искусства! Это непоправимо!

— Милый мой Петров,—мягко возразил Михаил—гибель всякой жизни, будь она трагична или нет, для кого-нибудь да является катастрофой.

— Да, но это не потеря для искусства!

— Не только искусство получает горестные и невозвратимые потери. С тех пор, как мы сидим за этим столом, на земном шаре умерли сотни людей, некоторые из них естественной смертью, другие—утопились в морях или растерзаны на заводах, раздавлены в шахтах, убиты ревностью или ненавистью, а некоторые в отчаянии покончили самоубийством. Подумайте—смерть многих из них является катастрофой, и мы

не знали, сколько отцов, матерей, мужей, жен, детей, невест и женихов, друзей, которые их оплакивают, и для которых их гибель гораздо более непоправима, чем потеря, которую понесло искусство со смертью Верещагина.

— С!—воскликнул художник,—вы святотатствуете!

— Нет... я знал Верещагина задолго до того, как его узнали в Браиле, и я люблю его великодушное творчество. Но искусство—только отражение жизни и никогда не вызывает тех драм, которыми слишком богата настоящая жизнь, и потери которой гораздо более непоправимы.

Самоилу очень рассердили такие рассуждения.

— Значит, для вас смерть большого художника равна смерти маленького матроса, утонувшего вместе с ним. Значит, последствия одинаковы!

— Для меня они могут быть одинаковы и неодинаковы. Но я не говорю ни о вас, ни обо мне, ведь мы сегодня можем спать более или менее спокойно, несмотря на катастрофу, постигшую „Петропавловск“. Я говорю о тех, чья смерть человека заставляет растянуться на земле, и которые не могут больше подняться. Для этих „большой художник“ и „маленький матрос“,—пустые слова.

Но Петрова не удалось убедить. Он взял судей Адриена. Этот, чувствуя приближение страстного спора, сделал вид, что более согласен с художником, чтобы заставить говорить Михаила.

— Право, я никогда не думал об этом вопросе, для меня человеческая жизнь тоже не имеет одинаковой ценности.

Тогда Михаил выпрямился, лицо его осветилось внутренним пламенем. Он сказал резко:

— Слушайте, друзья!

Он заговорил по-гречески, потому что Адриен совсем не понимал по-русски и заметил, что Самоила довольно хорошо его понимал.

...

„Я только что приехал в Браилу, вашу родину. Безусловно красивый город. Я приехал из... (но это вас не интересует), скажем из... России, этой страшной России Верещагина. У меня не было ни гроша в кармане, ни багажа, который можно было продать, так как он был продан уже в Одессе.

Элементарное благоразумие подсказало мне, что нужно обменять мои красивые одежды на весьма уважаемые лохмотья, в которых я теперь хожу и на вырученные деньги продолжать передвигать пешки на доске моей тогдашней жизни.

Я не искал никакой работы... Я был раннее на хлебе, маслах и соленых огурцах—драгоценной пище, которую я видел в руках людей, разгружающих тяжелые мешки. Я же разгружал только мало-приятные воспоминания—и принял их пищу. Не зная ни слова по-румынски, и пальцем показывал товар, давал деньги и шел наслаждаться на берег Дуная... хлебом, маслами, огурцами.

И это была очаровательная, странная жизнь, знакомая только людям, которые способны заменить красивую одежду лохмотьями и спокойно сдаться прибылью с этой операции, даже не думая в это время о поисках работы. Да, я сделал это... и это называется: мило посмотреть в лицо жизни, которая собирает тебя пожрать. Но сколько времени мог я так жить? Не помню: быть может, месяц, быть может, два...

Потом мне захотелось есть... А это вовсе не очень приятно. Два дня подряд я глотал только воду. На третий день, когда я прогуливался с засунутыми в карманы руками, я нашел на пристани су и купил кусок черного хлеба, который лег мне на желудок, как кусок свинца. У меня сделались такие схватки, что я подумал, что отравлен. Но умирать я не хотел. Нет! Еще минутку—еще минутку этого драгоценного солнца и драгоценной

мысли человека, одинокого на земле, человека сильного, как гора. Потому что я думал—если дозволено думать, когда голоден,—я думал о многих вещах, о тысяче вещей, которые можно почувствовать, когда убежден, что земля—пустыня.

Я тащусь, как могу, в мой „вагон“, так как я забыл сказать вам, что со времени прибытия в ваш прекрасный город я спал в хлебных вагонах, которые стояли пустые на запасных путях порта. Был конец марта и было очень холодно. Итак, я удаляюсь в мою квартиру и вытягиваюсь на досках, животом вверх и лежу спокойно, спокойно. Настроение мое было довольно хорошим, боли тоже были хороши, хотя не так уже мучительны.

Ах, незабываемые мгновения надежды, за которыми следовали ужасные видения смерти, в тот вечер, когда, глядя на закат, который приветствовал меня в своей холодной вечности, я видел себя таким одиноким в моем вагоне, таким заброшенным и неизвестным всем людям, каким только может быть человек на этой земле! Эти мгновения ценней всех ценностей мира. Кто не пережил их—бедняк и несовершенный человек, даже если он король золота и принц ума, ибо все относительно в существовании, кроме невозвратимости смерти, с ее отчаянием и с ее мелкой уверенностью, этой смерти, которая является внезапно, в то время, когда ты борешься со страданием, чтобы вырвать у нее еще минуту прекрасного мышления, еще один луч великодушного солнца,—а она глупо говорит:

— Идем!

— Сейчас?

— Мгновенно!

— Нет возможности задержаться?

— Нет!

И она вырывает тебя у твоей неоконченной мечты и уносит. Просто так. Нелепо. Наконец, после нескольких часов мучения я заснул, когда внезапно глубокой ночью почувствовал резкий толчок, который потряс мой мозг и внутренности. Он показался мне настолько ужасным во сне, что я подумал, что уже мертв. Потом свистки локомотивов... и вот я уехал в свадебное путешествие с голодом, и к тому же в неизвестном направлении... Ах!—сказал я себе,—вот этого удовольствия мне не доставало в моей коллекции, но лучше путешествовать голодным в этом мире, чем сытым в том.

Это меня разбудило окончательно. Физические и нравственные мучения исчезли, как по волшебству. И не двигаясь с пола, на котором я чувствовал себя теперь не хуже, чем в спальном вагоне, я начал изо всех сил кричать эротическую песню Пушкина, гораздо более счастливый в этом вагоне для скота, чем в то время, когда я учил эту песню, и когда я чувствовал себя одним из счастливых на этой земле.

После часа тряски мой специальный вагон остановился на центральном вокзале, и меня отвели на пустую линию.

Все это только предисловие. А теперь начинается самый рассказ:

На другой день в двенадцать часов, вернувшись в порт изурнанный, как побитый кот, я уселся на платформу пустого вагона и жевал зерна пшеницы, которые я клевал, как птица. Все мысли мои устремлены были к солнцу, которое жгло мою спину.

Я думал, что я один, но вдруг заметил, что на меня из-за дверей вагона, находящегося на противоположной линии, смотрела липованка. Она заперлась в вагоне, чтобы подмести его и собрать зерна. Мы долго, не двигаясь, смотрели друг другу в глаза, как два добрых животных, потом, сам не знаю почему, я рассмеялся (а я смеялся ее удивленным взглядом), но она, бедная женщина, начала плакать, как Магдалина.

Понимаете: ну, и вид у меня был, должно быть, когда я поедая пшеницу, и она за-

была собственные несчастья, чтобы погоревать над моими: у меня был настоящий убитый вид, что я мог заставить рыдать людей даже наиболее согбенных нуждой!

Я соскакиваю с платформы и подхожу к ней:

— Не плачь,—сказал я ей по-русски,—ты не счастливее меня!

Но, вместо ответа, липованка порывалась в мешочке, в котором были зерна, метелка и савок, вытащила кусок сухого хлеба и предложила его мне жестом, который означал: „Возьми его! ешь!“

Я остался неподвижен, в отчаянии, что не мог провалиться в ад и быть сожженным там заживо.

Она плакала без гримас, и слезы капали на хлеб, который лежал на ее коленях. Я слышу, как она говорит, точно мяукает:

— Если ты не хочешь его есть, ты плохой христианин!

И вот, друзья, я съел при ней этот священный хлеб, чтобы быть хоть раз в течение всей моей языческой жизни „добрым христианином“, и мы лучше узнали друг друга, то-есть я узнал от нее, ибо, знаете, что эта женщина в лохмотьях спасла меня от апатии и вернула к надежде, желанию, действию, единственному стимулу существования.

— Почему ты не поднимаешь плombs, которые ты видишь на земле?—спросила она. — Они падают с вагонов, которые открывают утром и иногда за день набирается 2 кило—80 сантиметров; на это можно жить в ожидании лучшего. Я долго этим занималась, но я больше зарабатываю, подметаю вагоны, я подбираю к вечеру, на франк или на два, зерна. Ты тоже этим займешься после, когда сможешь купить себе инструменты: мешок, метелку, савок, решето—тогда ты будешь меньше нуждаться.

Я смотрел на эту развалину с истощенным лицом, с потрескавшимися грязными руками и ногами, но с сильной душой, и мне стало стыдно и моего малодушия, и моего прошлого. Никогда, ни разу в жизни того гордого молодого человека, которым я был так недавно, я не представлял себе, что „нищие духом“ (я даже не снисходил до того, чтобы ответить на приветствие этих „нищих“) были обладателями самой прекрасной вещи на земле: забывая свои несчастья перед лицом побежденных, показывать свою сильную душу перед лицом более слабого и помогать ему подняться. В этом состоит все превосходство человека над животным. Все остальное—тщеславие. Я не знал этого несмотря на то, что учился. Нужно было, чтобы я испробовал пыль дна, чтобы один из этих несчастных пришел указать мне пути истинной жизни, вне которых есть только суета и животное.

Итак, благодаря этому существу, которое подавало мне пример, я встал на ноги. Я зарабатывал свой хлеб без усилий, без отвращения, без всякого духовного стеснения, живя, как птица. Наконец, я смог купить себе табак и больше не курить травы, так как, к довершению несчастья, я—„птица“, страстно любящая курение.

Я все еще спал в вагонах, но когда каприз механиков хотел заставить меня путешествовать, теперь я уже легко выпрыгивал из моей катящейся комнаты и, наполовину сонный, искал новой „квартиры“.

Таким образом я со своими плombs и она с зерном—стали друзьями. Это была женщина под сорок лет, высокая и ужасно худая. Она ходила, согнувшись, постоянно покашливала и подвержена была длительным часам грусти и даже слез. Чтобы позабавить ее, я рассказывал ей разные истории, которые забавляют „нищих“, так как мы ежедневно встречались около вагонов. Однажды, я заставил ее так хорошо рассмеяться, что она открыла свое сердце и рассказала свою историю, которая, как вы увидите, не могла бы исходить от человека, который смеется часто.

Перевела с рукописи Б. Болеславская.

Окончание следует.

1 Липованка — имя, которое дают в Румынии секте скопцов.

„В пользу раненых“ происходил большой патристический вечер-концерт „с танцами и роскошным буфетом“. Программа была самая великолепная и, между всем прочим, перед блистательным собранием генерал штабной, но даже более блистательный, чем вся прочая новочеркасская знать, держал речь о том, как сладко умирать за родину, истерзанную большевиками, в сладости предвкушения смерти он утирал платком черные сияющие усы и опять говорил дальше очень красиво и трогательно, так что некоторые дамы действительно плакали. Затем, по предложению офицера с черными погонами, которые обозначали в нем бойца смерти, заставили исполнить „боже, царя храни“ молодого дирижера-еврея, хотя он и говорил, что у него нет нот. К нему подошел капитан контр-разведки, очень вежливо улыбаясь, но шептал свирепо:

Керенский.

паркету, за окнами смеялось весеннее утро. Ничто бы не напомнило глухих зим, ничто бы не пробудило видений дымного 19-го года, если бы не эти темные пятна на телах людей, входивших к врачам.

На коврике посередине комнаты стоял голый человек. Его костлявая спина выгнулась вперед, будто позвоночник кто-то однажды скорчил чудовищной силой, а правое плечо в насмешку отвернул назад: „На, ходи вот так по земле“. Ниже правого плеча горело багровое несмываемое пятно—страшный поцелуй артиллерийского снаряда.

— Где это вас так?—спросили его.

— На Деникинском,—сказал, улыбаясь черной бородой, почесал косматую голову истого кожевника, указав пальцем на левую руку.

— И тут свистнуло через мякоть насквозь, только косточку задело... А так вообще ничего. Это было раньше, на Волге... с Колчаком.

Деникин.

Оттого и не болит. А плечо перед непогодой—беда.

Долго смотрели невыносимо багровую рану. Поглядывали друг на друга.

— Очень здоровым прежде были? — Здоровыми были, первый сорт!

Еще вошел слесарь. Был он упруг, жили и бугорки мускулов играли на его белом теле. Стоял твердо, вытянувшись. Обернулся спиной к нам и обжег мой неприличный взгляд длинным, таким же багровым как у первого, рубцом. Тянулся этот рубец от стройного плеча через спину, имел красноватые разветвления, точно кто-то гвоздями расковыривал его тело.

— Шашкой,—сказал он.—На Крымском. Рубанули и протянули шашкой. Видите, какая картинка!

За ним показывал свое, на редкость могучее, тело бывший моряк. Лицо у него было выполнено плохо и неправильно, улыбалось беспрестанно и удивленно. Стоял он, упершись ручищей в бок. Говорил он коротко, будто докладывал о самом надоедливом деле.

— Юденич...

Это темное пятно в боку.

— Махно...

Рваная большая рана в бедре.

— Сволочи,—сказал он,—пуля Гра. Тупая. Французская берданка.

Май-Маевский.

Рубец на шее.

Объяснил:

— Шкуро.

И добавил:

— Гады.

Пятно у колена. Будто бы был лишаи. Моряк засмеялся.

— Колчаковское дело. Офицера брали. Маузер.

— Сколько же ранений?—спросил из-за стола старый доктор.

Моряк ответил:

— Считаю девять.

Но левый широкий бок его был испещрен синеватыми пятнами различных форм.

— Так это же не в счет,—рассуждал матрос.—Это же шрапнель.

— Повернитесь.

Он недовольно медленно повернулся, подняв свои руки. Мы увидели тело человека, в которое целились тысячи различных дул в различных боях, в схватках, атаках. Оно осталось живым, гибким, красивым и вместе с тем ужасным своими темными, синими, красными коричневыми шрамами.

Моряк сказал:

— Это что и говорить, расписали...

И шли еще в эту белую комнату обнаженные люди, и опять горели старые раны, рубцы, темные, как земля, пятна...

Сколько таких израненных с зазубринами на теле, с ноющими перебитыми костями оставила гражданская война? Сколько ран оставили в нашей стране вы, господа генералы, с черными блестящими усами?

Сколько ран? Они зажили, затянулись от времени и большой неисчерпаемой силы нашей. У моряка красивое мощное тело. И здорово выдмается огромной грудью организм нашей страны.

Мы живем. Мы перешагнули в

одиннадцатый год, перешагнули с такой бодростью песен, что весь трудовой мир восхищается нашими силами, вторит нашим песням...

— А где вы? „Где вы теперь?“—спросим словами вашего певца, кумира вашей публики, художника вашего, умеющего так верно изобразить ваш последний надрыв, пахнущий ладаном, гробом?

Юденич.

нал, простирая белые пальцы, цеплявшиеся за пустоту.

Он пел, бросая свой полумертвый взгляд наркотика в темноту углов:

Где вы теперь?

Он шевелил красными своими губами, и губы кривились будто в бреду. Он простирали руки вперед, в мрак, к задрапированным бархатом окнам старинной залы. За окнами выла мутная зимняя ночь девятнадцатого года.

Где вы теперь?

Вдрагивал и гнулся к земле старый казачий город. Где-то в степях бежала к Дону мамонтовская конница. Буденный гнал перед собой Корниловские полки. По белым равнинам лилась кровь. Советская Россия сбрасывала с себя последних скорпионов, последних гадюк, пробиравшихся к ее сердцу, и они кусались в конвульсиях отчаяния... Страшные ночи вставали над землей. Много людей не встречало утро после дымных ночей, многие не видели заката, заснув навсегда в полевом холодном окопчике, сползая с коней в снег, в глухие кустарники, в проруби рек.

И этой вот весной, тысяча девятьсот двадцать седьмого года, я сидел с комиссией врачей, свидетелями рабочих. Москвы — участников гражданской войны. Была белая тихая комната, солнечный свет блеснул на

Махно.

Корнилов.

Скоропадский.

Т Е П Е Р Ь?

ПОГОДИНА.

Где вы теперь?

Ваше высокопревосходительство, Антон Иванович Деникин, отчего же не видно вас в Москве, раз'езжающим в старинной дворянской карете? Или вы бы хотели автомобиль?..

Можно и автомобиль. Это даже гораздо пышнее, пролететь в шумном, как ветер, стремительном автомобиле, которому вслед тарахтит глаза городские, и козыряют так, будто все пойдет в тар-тарары, ежели не козырнуть его высокопревосходительству чортом.

Где вы, Антон Иванович? Кому сияет ваш гордый живот, увешанный крестами и орденами? Кого приводит в мертвый трепет взгляд ваших „грозных очей“ и — в восторг — ваша холеная, как белый лебедь, генеральская борода? Какие парады сегодня были устроены в вашу честь?

Деникин.

Кого вы удостоили милостивой улыбкой, кого разжаловали, кого повергли в прах? Какой план наполеоновской стратегии засиял в вашей гениальной голове? Каких высот полководца, политического вождя, повелителя, царедворца, достигли вы на сие число? Что запишете вы сегодня ночью перед сном в свои великолепные мемуары?

Скучно... Зияющая пустота... Изгнанник... Холодно... Осень... Что же написать забытому даже близкими, осмеянному даже теми, кто некогда раболепствовал?

Скучно... Жаль. А нам весело. Нам весело так, что хочется пропеть, подражая актеру Вертинскому:

Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?

Александр Федоровича Керенского в каких-то притонах не то Сан-Франциско, не то Нью-Йорка, быт по морде... Скучно. Первый телохранитель его, первый генерал, командовавший войсками, двинутому на восставший Петроград, купил себе дачку и в одиночестве сочиняет романы. А романы генерала Краснова — говорят читатели — невыносимо скучные произведения... Что же заставило вас, ваше превосходительство, сменить казачью шапку на ненадежное перышко сочинителя?..

Слава?

Вильгельм II.

Ах, слава, слава! Она ведь как уж, эта проклятая слава: вьется, шипит и все норовит ускользнуть от человека. Помните, господин генерал, как упорно

добивались вы славы на Дону, как сели атаманом Донским, взяли старинную булаву, даровали казачеству звание „Всеволокого войска Донского“, и герб был правительственный, ежели припомните — сидит казак на бочке без рубахи и хлещет водку. Такой ведь замечательный герб, а не дал он вам славы, свои же прогнали вас в тишине сочинять романы. Взял атаманскую булаву Африкан Богачевский, подержал некоторое время, грозился вместе с Деникиным на рыжем донском жеребце в'ехать в Кремль... кстати, где вы, последний донской атаман, с атаманами войска Кубанского, Терского, Оренбургского, Забайкальского?

Дутов.

Нехорошо ронять честь перед иностранцами до того, что ваши боевые генералы служат в цирке джигитами, зубами хватают с арены кинжал на ходу лошади, забавляют детей.

Семенов.

Где ты, верховный правитель земли русской, господин адмирал Колчак, с твоим излюбленным романом мечтательных барышен — „Гори, гори, моя звезда“?

Звезда погасла... И только мальчишки в Сибири в память о тебе, правитель, сочинили песню веселую и едкую:

Погон российский,
Мушкетр английский,
А штык японский —
Правитель омский.

Генерал Юденич, поднявший зарево угрозы с севера... И вы, пышный, как скоморох мольберских комедий, гетман Украины, маэстро опереточных авантур — Скоропадский и ты, батько Махно... где вы теперь?

Как много выручил на серебряных ложках обанкротившийся на последней кровавой игре барон Врангель? Как, где живут, чем живут, и во имя чего живут сотни вас, генералов больших и незаметных фамилий, героев крупных и малых авантур, окру-

жавших со всех стран света Советскую Россию, огнем и мечом прокладывавших дорогу к Москве? Сколько их было...

Одних уж нет, а те далеке...

Сокрушительная сила революции выплеснула их из великой страны, полетели они скитаться

Врангель.

по миру новым племенем „белоэмигрантов“ и тоскуют в чужих углах у старого тряпья своего и слезливо целуют это тряпье.

Анненков.

Пыль Москвы на ленте старой шляпы.

Засохли, зажали наши раны, тяжелые и страшные раны, причиненные вашими руками. Мы живем, мы построили могучее рабоче-крестьянское государство. Мы скопили силу неизмеримо большую и грозную, чем та, которая была у нас десять лет назад. Мы помним все — ваши пули, ваши по-

жары, ваши маузеры и пашки, ваши пушки, газы, танки и вот теперь просто, весело спокойно спрашиваем у вас:

Где вы теперь?

НИК. ПОГОДИН.

На снимках: Дидерихс; в овале — Колчак.

МЕХАНИЗМ ПОБЕДЫ

Статья А. И. Верховского.

Изучая войну из столетий в столетие, мы видим, что с технической стороны успех всегда давался тому полководцу, который умел: 1) найти слабую точку у противника; 2) сосредоточить против нее превосходные силы; 3) нанести удар так внезапно для врага и с такой быстротой, чтобы он не успел провести контр-маневр, или уйти из-под удара. Такова, например, была победа западного фронта 4 июля 1920 года над поляками. Тов. Тухачевскому удалось при общем равенстве сил быстро собрать на Полоцком направлении превосходные силы и внезапно атаковать врага у озера Ельня, где поляки не были готовы. Быстро развивая успех в тыл врага, он вынудил все силы поляков к бегству.

Когда мы говорим об организации победы, перед нами в окончательном итоге, после всех маневров, подготовок и т. п. — встает во весь рост вопрос о том, как наносить удар, как сломить грозную силу технических средств противника.

Как бы не развивалась техника, но человек остается «главным орудием войны». Маленький, слабый человек, которому так хочется жить, сталкивается с грозной силой взрывчатых веществ, металла, отравляющих газов, созданных творческим гением того же человека.

Обязанность командования будет состоять в том, чтобы организовать удар с технической точки зрения и обеспечить человеку возможность пройти живым через ураган смерти к победе. И в этом нет ничего невозможного, если твердо знать, что не воодушевлением, не самоотвержением бойцов можно сломить материальную силу машин; против машин надо поставить машины, но в большем числе, лучшего качества и лучше управляемые. Воля же человека, его самоотвержение есть сила, которая в обстановке опасности смерти, в обстановке, где действуют орудия врага, все же направит свои технические средства на уничтожение противника. Морально-политическое состояние бойцов определяет в какой мере армия может использовать свою технику.

Искусство командования должно в точке, избранной для решения, там, где противник слаб, обеспечить превосходство в силах техники артиллерии, авиации, пулеметов, бронетанков. Тот, кто сумел это сделать, одерживает победу. Как все это просто написать, но как трудно сделать, потому что не только чисто технические военные трудности приходится преодолевать, но потому что вся экономическая и политическая обстановка властно давит и стесняет свободу военного командования.

Возьмем два крупных сражения: наступление Красной армии на Варшаву в 1920 г. и наступление немцев на Париж в 1914 г. Посмотрим, в чем заключалась причина неудачи. Почему немцы и Красная армия не сумели найти у врага слабой точки и, наоборот, их неприятели сумели это сделать. Для того, чтобы найти слабую точку неприятеля, нужно уметь разведывать. Средства разведки сейчас — это, в первую очередь, авиация, армейская кавалерия, действующая крупными силами, тайная агентура и войсковая разведка, т. е. разведка конницы, приданной стрелковым дивизионам в небольших силах, разведка пехоты и артиллерии.

Возьмем наше наступление на Варшаву и посмотрим, почему же наша разведка не раскрыла удар врага. В 1920 году Красная армия была во всех отношениях чрезвычайно бедна. Наша авиация не имела не только автомобильного обоза, но даже подвод, которые дали бы ей возможность быстро продвигать свой тыл, т. е. бензин, мастерские и обслуживающий аэродромы, технический персонал, вместе с войсками. Самолеты, конечно, могли двигаться по воздуху, но их тыл, без которого авиация работать не может, передвигался лишь по железным дорогам, но так как железные дороги наши в ту пору находились в полном расстройстве, то тылы авиации и не поспевали за армией, а, следовательно, и сама авиация не могла быть там, где нужно; армии в бою оставались без воздушной разведки. С другой стороны, наши коневые средства были сильно истощены. Каждого коня мы должны были дать в конные армии, которые наносили сокрушающий удар противнику. Но это мы могли сделать лишь за счет всего остального фронта; он был беден кавалерией. Мы с трудом могли поддерживать нашу стратегическую конницу на достаточном уровне; для войсковой кавалерии мы уже не имели нужных средств. Поэтому там, где шли наши конные сильные группы, в Галиции, на Гродненском направлении, конная разведка была хороша, но на остальном фронте она сильно страдала, в частности, в районе Ивангород-Коцк, она была особенно слаба. Не менее трудна была и разведка агентурная, она требует больших денежных средств. Еще в пограничной полосе, где мы имели возможность организовать что-либо заблаговременно, мы располагали некоторыми сведениями. Но после того, как война была перенесена в сердце Польши, мы оказались совершенно лишенными какой бы то ни было агентурной сети.

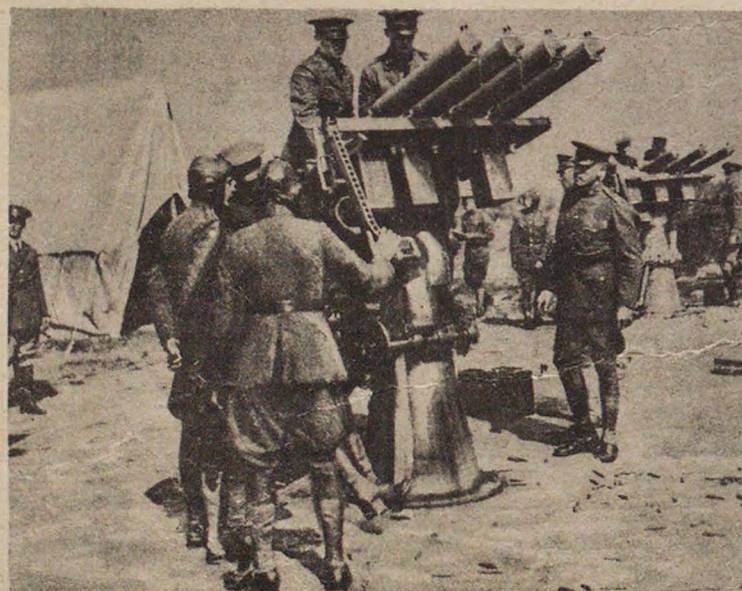
Несмотря на все трудности, наш западный фронт продолжал наступление в расчете на поддержку восставшего польского рабочего класса. Силы для главного удара были сосредоточены между Варшавой, Новогоргиевском и несколько севернее на Плонск. Здесь шли наши 3, 4, 15 и 16 армии и конница Гая. Это сосредоточение шло за счет ослабления других участков, и южнее Варшавы у нас была тонкая нитка Мозырской группы, силою около 3.000 человек и 250 всадников на фронте в 150 километров. Поля-

кам легче было вести разведку в своей стране. Они обнаружили наше слабое место и именно здесь Пилсудский собрал свою 4-ю армию обрушившуюся на фланг нашего главного удара под Варшавой. Без воздушной, конной тайной и войсковой разведки мы во время не могли знать о грозной опасности, и удар пришелся совершенно неожиданно. Расстройство железнодорожной сети и бедность в коневых средствах республики, т. е. чисто экономические факторы были прямой причиной того, что удар поляков разразился внезапно. Когда же польское наступление пошло, нужно было с ним драться. Нужно было, прежде всего... стрелять. И вот стрелять-то мы не могли. Огнестрельных припасов при подходе к Варшаве было недостаточно. Наша тяжелая артиллерия в боях под Варшавой расстреляла снаряды и была захвачена небольшой кавалерийской группой противника, так как она не могла ему сопротивляться. Пушки без снарядов были ни что иное, как обоз. Наши батареи имели какой-нибудь десяток, другой снарядов на орудие и берегли каждый патрон. Даже в пехотных частях стрелки должны были дорожить каждым патроном.

Между тем, современная армия представляет собою, прежде всего, огневую силу, и если винтовки и пушки имеют мало патронов, армия бессильна организовать какое-либо серьезное сопротивление. Так было под Варшавой. Но почему же у войск не было огнестрельных припасов? Потому что наши железные дороги не работали и не могли дать того притока огнестрельных припасов, который был необходим. Дело в том, что, вторгаясь на польскую землю, мы находили железные дороги разрушенными; и хотя наши инженерные части быстро восстанавливали дороги, чинили мосты с исключительной скоростью, но по готовым железнодорожным линиям не ходили поезда. Наше разрушенное железнодорожное хозяйство не могло дать нам лишние 20—30 паровозов, необходимых для того, чтобы обслужить захваченные у поляков пути и довести грузы до войск.

Армия на фронте не стреляла, так как наше паровозное хозяйство было разрушено. Если мы присмотримся далее, то увидим, что даже и самая численность армии к варшавскому бою была катастрофически мала. Из 5-ти миллионов мобилизованных, составлявших тогда вооруженную силу Советской Республики, едва 50.000 человек дрались под Варшавой! Между тем, месяц тому назад, при начале нашего июльского наступления на Немане и Березине красные войска насчитывали около 120.000 человек, против 100.000 поляков.

Тяжелые бои, потери убитыми и ранеными низвели численность нашего западного фронта до 50.000 человек. Потери обычные на войне, но их надо пополнять, мы же этого не могли. Прежде всего потому, что имевшиеся 100 тыс. укомплектований без железных дорог нельзя было доставить к армии, наоборот, польская армия не только не ослабела, а, наоборот, ее численность поднялась приливом добровольцев со 100 до 120—150 тысяч человек. Одного превосходства в числе было достаточно для того, чтобы одержать победу. Когда ищешь ответа на вопрос о такой малой численности бойцов, что и было одной из главных причин нашей неудачи под Варшавой, то ответ надо искать также вне чисто военной области. У нас 5 миллионов человек было под ружьем, но из этих 5 миллионов главная часть боролась не под Варшавой, а внутри страны, где классовая борьба развертывалась полным ходом. Нужно помнить, что курс «новой экономической политики» в 1920 году еще не был взят, смычка с деревней ни в какие конкретные формы не вылилась. Кулаки и часть середняков, ни в какие

Защита от военной авиации. Новый тип зенитных орудий, стреляющих одновременно из 4-х жерл.

ГАЗОВЫЙ БОЙ В ВАРШАВЕ

Осенние маневры польской армии, устроенные пилсудчиками для агитации за войну, происходили в Варшаве. В центре города, на Саксонской площади, был произведен ряд газовых атак, воздушных и полевых.

конкретные формы не вылилась. Кулаки и часть середняков крестьян не примирялись с экономической политикой эпохи военного коммунизма. С военной точки зрения это выражалось тем, что ходили зеленые; шло Тамбовское восстание, воевал Махно; шла смута в непокорной Кубани¹; наконец, Врангель еще держался. Все это истощало силы армии и не позволяло выдвинуть достаточное количество бойцов на решающую точку театра войны, туда, где решалась судьба революции в Европе.

Кроме того, наша армия не пополнилась за счет местного населения, как это имело место в 1919 году при проходе через Уральский хребет. Если с одной стороны в наши ряды становился польский рабочий и батрак, то, с другой стороны, нам, местами, пришлось встретиться с повстанческим движением, начавшимся среди польского крестьянства. Сейчас мы уже можем об этом говорить, как можем говорить и о тех причинах, которые вызвали такое поведение со стороны польских крестьян. Причина эта лежала в той крестьянской политике, которую мы проводили в захваченных областях Польши. Мы предлагали польскому крестьянину устройство сельско-хозяйственных коммун в захваченных помещичьих усадьбах. Устройство этих коммун заинтересовало небольшую группу батраков, работавших в этих имениях. Для главной же массы крестьян ничего интересного в этом не было и, даже наоборот, если мы крестьянству говорили о создании Советской Польши, а одновременно с этим красноармеец, которому железные дороги не могли подвести продуктов с армейских баз, вынужден был брать у крестьян телку и курицу, то естественно, что польские крестьяне равнодушно пропускали мимо ушей разговоры о будущих благах и брались за винтовки, чтобы защищать свое хозяйство.

Совсем другой была картина роста нашей армии в 1919 году, когда в борьбе с белыми колчаковцами, наша армия вошла в район уральских заводов. Уральские рабочие чувствовали свою классовую соли-

дарность с Красной армией, видели прямое преимущество для них советской власти и массами вливались в наши ряды, поднимая оружие против белогвардейщины. В Польше эту солидарность нашу с рабочей массой хорошо учли и ко времени сражения под Варшавой рабочие были придавлены; масса крестьянства была нейтральна, а кулак явно враждебен. Вот внутренняя механика нашей неудачи под Варшавой.

И таково каждое современное сражение, где действуют миллионные массы. Военная техника, искусство управления войсками есть лишь часть — и небольшая — тех сил, которые определяют победу. Экономика и политика в генеральном сражении имеют решающее значение. В этой обстановке даже самое талантливое военное решение ничего не могло сделать против едва ли не тройного превосходства сил противника, вдобавок с малым числом патронов и со слабыми средствами разведки.

Возьмем теперь другое сражение. В сентябре 1914 года немцы наступали. В пограничном сражении им удалось сосредоточить внезапно превосходящие силы против северного крыла французов, нанести им жесточайшее военное поражение. Но политически и экономически Франция в этом бою не была сломлена, и скоро это сказалось и в военной области. Преследуя их, немцы своим северным крылом стремились охватить французов, отрезать от Парижа, центральной Франции и прижать к швейцарской границе. Но французы в отступлении не расстроились, как и поляки, отходя к Висле. Они готовились к новому бою. Воздушная разведка Франции опиралась на могущественные аэродромы и железные дороги, подготовленные еще в мирное время. Каждый шаг немцев был раскрыт. Поэтому, когда немцы, чтобы отрезать французов от Парижа, стали проходить мимо него и повернулись к нему боком, то смелый план быстро созрел в главном штабе французского командования: перевести по железным дорогам в Париж новую армию и ударить немцев во фланг. Немецкое руководство, увлеченное своим успехом в пограничном сражении, переоценило французское поражение. Оно не

считало его способным к новому усилию. Между тем политически Франция не была разбита. Ее воля к победе не разложена; постоянные отступления в глубину Франции вызвали лишь подъем чувства самосохранения. Добровольцы вливались в ряды армий, упорство войск росло по мере того, как с каждым шагом противник все дальше и дальше врезался на территорию Франции, и все большее число бойцов видело опасность своим домам, семьям и имуществу от немцев. Французы использовали свою могучую железнодорожную сеть, сотни поездов были брошены в Париж и его районы с тем, чтобы вывести свежую армию генерала Монури на фланг немецкого наступления. Массы снарядов были подвезены в армию. Франция экономически также, как и политически, не была подорвана, и первое поражение не сломало ее. Когда все было готово, то стены Парижа раскрылись, и внезапный удар обрушился на фланг немцев.

Таковы в кратких чертах причины побед под Варшавой и Парижем. Они определяются, в первую очередь, политической обстановкой и экономикой, на которую опирается сражающаяся армия. Политическое расслоение и экономическая бедность подготавливали труднейшую обстановку командованию часто, как было на Висле. Наоборот, самое большое поражение, каким было поражение французов в пограничном сражении, ничего не значит, если политически и экономически страна не потрясена. С этой точки зрения мы ясно видим, что победа в будущем бою выковывается сейчас столько же в штабе Рабоче-Крестьянской армии, как на съездах Советов и В. С. Н. Х.

В обстановке, созданной политикой и экономикой, действует командование, организующее бой. И здесь от него зависит очень многое. Путем разведки оно узнает, что делается у противника, сосредоточивает могучий удар, направив его в самую болевую точку противника; внезапно обрушивается на него, обеспечив бойцам материальную возможность сломить огонь врага и довести ее до полного уничтожения неприятеля.

А. Верховский.

¹ Между прочим, сейчас курс на сближение с деревней привел с военной точки зрения к такому положению, что вместо восстаний в Кубани, мы можем формировать территориальные кав. дивизии.

Дочь милиции — Татьяна Октябрьская. В октябрьские дни в помещении 4-го Мещанского милиционерского участка, в Москве, ворвалась группа красногвардейцев, посланных Сокольническим ревкомом для занятия этого участка.

Во главе отряда красногвардейцев был доктор Т. Русаков, именем которого назван сейчас один из трамвайных парков Москвы и бывшее Сокольническое шоссе.

В помещении участка — опрокинутые столы, разбросанные бумаги, пустые бутылки из-под вина. На скамейках и стульях сидели пьяные милиционеры, верные «защитники» Керенского.

Тов. Русаков предложил немедленно сдать этому мили-

Марка Бертело. В ознаменование столетия со дня рождения знаменитого французского химика Марседина Бертело, французское почтовое ведом-

ство выпустило особые юбилейные марки с портретом Бертело. Юбилейные торжества в честь ученого прошли в Париже с большой торжественностью.

В Библиотеке «Огонек» вышла и рассылается с этим номером книжка Ефима Зозулы «Встречи». В книжку вошли очерки о В. И. Ленине, Але-

ксандре Блоке, Кнуте Гамсуне, Илье Сяце, Чарльз Чаплине и С. Эйзенштейне. Книжке предпослано предисловие А. В. Луначарского.

Джонни на лондонской улице. Знаменитый английский романист Чарльз Диккенс до сих пор очень популярен на своей

родине. На снимке изображена страстующая труппа уличных артистов, разыгрывающая

сцены из «Оливера Твиста» Диккенса в одном из рабочих кварталов Лондона.

Вера Инбер завоевала заслуженный успех у современного читателя своими юмористическими рассказами, в которых легкость и изящество стили всегда удачно гармонируют с остроумной фабрикой и хорошей выдумкой. В книжке «Тройка разных» собраны наиболее

удачные рассказы талантливой писательницы из написанных ею юмористических произведений за последний год. Книжка В. Инбер вышла в Библиотеке «Огонек» и рассылается с этим номером.

Первый разговор по телефону Москва—Берлин. Недавно открылось телефонное сообщение Москва—Берлин. На снимке: пред-

ставитель московской междугородной телефонной сети испытывает новую линию Москва—Берлин и ведет переговоры со своим берлинским коллегой.

Ив. Свиридов, активный участник гражданской войны, бесхитростно, эпически — просто и увлекательно рассказывает

в своей книжке «Вчерашний день» о тяжелой борьбе контр-революцией, о муках голода и героях Октября. Книжка вышла в Библиотеке «Огонек».

В. Сольский — пролетарский писатель, привлекающий внимание читателя знанием изображаемого быта, интересным сюжетом и выпуклыми характеристиками героев. В книжке

«Три рассказа о посторонних», вышедшей в Библиотеке «Огонек», собраны лучшие произведения В. Сольского.

М. ГОРЬКИЙ

В ПОРТРЕТАХ И ФОТОГРАФИЯХ

ностью (превосходные «На Лит. Посту»).

В БИБЛИОТЕКЕ «ОГОНЕК»

ИЗ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ:

Небольшие, прекрасно изданные и доступные по цене широким кругам читателей, книжки Библиотеки «ОГОНЕК» имеют своей основной целью ознакомление этих широких кругов с текущей художественной литературой. В числе выпущенных ею произведений имеется ряд хороших, ценных вещей.

Наряду со многими другими достоинствами, библиотечка отличается дешевизной, приятной внеш-

Надо отдать «ОГОНЬКУ» справедливость: он выпустил, действительно, немало интересного. Книжки «ОГОНЬКА» изданы хорошо, они дешевы, доступны, они дают в общем неплохой материал для чтения.

(«Правда»).

К 10-летию Октября
Вышли следующие книжки:

Ефим Зозуля — Статьи (с предисловием А. Луначарского); Ив. Свиридов — Из полевой книжки; Литература Кавказа; М. Беккер — Звездосцы; Н. Лешицкий — В пути; А. Аросев — Варабашки Рыжий; В. А. Шенцов — Октябрь — Ленин и др.

Некоторые произведения «Библиотеки ОГОНЕК» разбираются в школах 2-й ступени, как пособие для тематических сочинений. («Рабочий Пазар» Рыбинск).

Включение издательством «ОГОНЕК» в свою общедоступную Библиотеку книжек историко-литературного характера в сопровождении надлежащего комментария и вступительных статей нужно, конечно, весьма одобрить. Очень небесполезные специалистам-литературоведам, они будут с интересом и пользой прочтены и широкой читательской массой.

Г. ГЕЙНЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГАРЦ

Т Е Т Я С А Ш А

Жизнь моя—обычная, нескладная жизнь женщины-беднячки. И все-таки через эту трудную и тягостную жизнь я пропела любовь к работе и революции.

Мать была кухаркой, отец работал на какой-то фабрике. Училась в народном училище, а затем в городском. Но в городском училище дотинула только до 3-го класса. А там мне сказали:

Тетя Саша принимает посетителей.

— Ты незаконнорожденная. Ты портишь своих товарищей по классу. Нельзя незаконнорожденной иметь аттестат.

Пошла работать в мастерскую дамских нарядов. Гопили меня с утра до ночи. Душили и однажды, когда хозяйка меня жестоко избивала, я не выдержала, поругалась с ней и ушла из мастерской.

17-ти лет вышла замуж. Муж был горьким пьяницей. Он избивал меня без всякого повода. Жизнь была без просвета. Оставила мужа. Взяла двоих детей и пошла служить. Куда бы я не обратилась, мне говорили:

— Какую женщина может исполнить работу! Идите в кухарки, в судомойки.

Шли годы. Еще до войны я познакомилась с несколькими железнодорожниками, которые открыли мне глаза. Я прочла несколько книг по революционному движению. Узнала, что такое партия, что такое большевики.

После Февраля, в 1917 году, была избрана комиссаром домового охраны. Держала связь с большевиками. Так—до 1919 года. Была избрана председателем комбеда. 21 мая 19-го года вступила в большевистскую партию.

В июле—первое боевое крещение. Восстали немцы-колонисты. Бросаю работу и иду добровольно на фронт санитаркой. На фронте иногда приходилось бить меня на винтовку. И сразу же, бросив винтовку, под обстрелом подбирать раненых и перевозывать их. Прошла с Красной армией всю дорогу по ликвидации восстания. А затем снова в комбед, в Одессе.

10 августа, помню как сейчас, направились с карточками в совет. Вижу—неладное. Какая-то вооруженная толпа громит канцелярию. И ко мне: „Бросай оружие!“

Какое у меня оружие—мешочек с карточками. Я и говорю: „Бросьте, товарищи, ничего нет у меня из оружия“. Накинулись на меня:

— Здесь нет товарищей. Большевичка! К стенке ее!

Заметили они в то время коменданта Фонтана—Шорина. Бросили меня и по нем устроили облаву. А я стою и жду. Если уж пропадать, так сразу. Взял кто-то меня за плечи и сказал:

— Беги, тетя Саша, беги.

Никуда я не побежала. Пошла спокойной дорогой. Заметила парня, который разбивал звезду. Стало больно. Поняла, что белые всюду. Побежала в комбед. Сломала стол, и все бумаги, какие были, пожгла. А книги чистые отнесла и спрятала: пригодятся еще.

Стали меня всюду искать. Успела скрыться в верном тайнике. А белые разграбили всю мою хату, позабирали имущество и шомполами исполосовали мать.

Узнала я в тайнике своем, что т. Шорин арестован. Надо было выручать товарища, и я пошла в контр-разведку свидетельствовать „благонадежность“ Шорина. Назвала себя чужой, выдуманной фамилией.

Жутко было в контр-разведке. Кругом откормленные рожи. А у следователи я заметила на пальце огромный, точно воловий глаз, бриллиант. Ждала, что кто-нибудь так, просто из шутки, пунтит в спину пулю.

Наврала я в своих показаниях с три короба. Помогло. Шорина потом освободили.

Потом опять скучная серая судьба в тайнике. Не выдержала. Поехала в свою хату на Фонтан. Приходит тогда надзиратель и спрашивает: „Вы что за женщина?“

Говорю: „Модистка я“. Надзиратель же прибавил: „Попали бы хозяйку хаты, знали бы, что делать с ней“.

Наконец, пришли красные. Сразу же окунулась в работу. Пришлось с другими создавать эпидемический барак. Потом—организовывала клуб, женотдел, была членом горсовета.

А избрали меня председателем совета три года назад. На собрании одним населением заявили:

— Хотим тетю Сашу в председатели.

Упримилась было я. „Какая, говорю, тетя Саша председателница! Нужно умных бы людей“. Секретарь ячейки приказал не противиться—вот и стала председателем.

Трудно и боязно было на первых порах. Все-то, казалось мне, не так делаю, власть свою превышаю. Потом—привыкла. И сейчас уже все кодексы наизусть знаю—земельный, трудовой, судебный. Всего и не перечтешь.

Три года уже председателем. Население уважает. Пользуюсь авторитетом.

Все же доносы на меня посылают. Верно, кулаки. В контрольную комиссию и ячейку не раз поклепы давали. Будто бы я воровку какую-то на поруки брала. А я брата родного, который на подозрении как шпион был, не сокрыла. Расстреляли его потом...

Не скоро еще выборы. А уже ходят дядьки ко мне и выпытывают: останусь ли еще год работать. А ведь мне уже больше чем 55 лет. Говорю я им: „Стара стала, надо молодым поработать“.

А втянулась я, это верно, в работу. Одно, что у меня осталось, это—работа. Ведь всех похоронила—мужа, мать, детей.

Мечтала я видеть Ленина, хоть самую малость поговорить с ним. Теперь мне бы с Крупской встретиться, рассказать о нашей жизни, расспросить ее. Часто она на меня смотрит с портрета. Так это ведь не то. Неживое. Ни поговорить, ни пожаловаться... Хоть бы до смерти раз один повидать Крупскую... А работу люблю. Без работы—что в прорубь.

Александра Моисейченко.

В РУКАХ ТКАЧИХИ

Сегодня в театре очень важное, очень серьезное совещание: обсуждаются вопросы о культурных нуждах, в огромном количестве выдвигаемые рабочими.

Из-за стола президиума навстречу мне встает женщина в синем резиновом плаще.

— Вы хотите побеседовать со мной?—говорит она.—Пройдемте сюда.

Мы идем длинным, полуосвещенным коридором. И оттого, что в нем мало света, голова женщины кажется мне совершенно седой. Кажется ли?.. Кто знает, какие суровые подарки преподносит ей жизнь... подарки, от которых серела лазурь глаз и невидимая пудра осыпала голову.

Об этой женщине, о Вере Михайловне Маньковой, я услышала первый раз весной, когда съезд текстильщиков вручил ей трудное и ответственное дело управления большой промышленной Иваново-Вознесенской губернией.

Нелегкое это дело—взять в шершавые руки ткачихи всю губернию, с ее большими и малыми заботами, неотложными нуждами, и разумно, мудро удовлетворять их.

За короткое время она сделала много нужного, дельного во многих областях губернского советского строительства.

Много рабочих перебивало в небольшом кабинете Веры Михайловны. Приходили просто пожаловаться на свои бабы невзгоды, потому что:

— С бабой легче разговаривать... понятней.

Мне помнится один случай.

Какому-то рабочему отказали в просьбе об отводе участка земли на рабочем поселке. Не дали—и все. Явился рабочий домой, и ну ругаться.

Не стерпела жена, Анна Тимофеевна, прикрикнула на него.

— Что разбухтелся, ну ты к лешему!

А сама, наскоро набросив на плечи платок, хитро глядя на своего расхопившегося мужа, уже с порога бросила:

— Сиди уж дома, ругайся, а я к Вере Михайловне пойду... посоветуюсь.

Мне нередко приходилось видеть женщин из глухих деревушек губернии, останавливавших свои скрипучие подводы у красного здания, где сидит Вера Михайловна. Спокойно, без робости, поднимались они по устланной коврами лестнице.

— Вас интересует, как я—потомственная ткачиха—в „губернаторши“ угодила?—обратилась она ко мне.

Сурово сжав брови, рассказывала, как простояла лучшие десять лет жизни за станком на одной из Шуйских фабрик.

И только когда вспомнила первые шаги на общественной фабричной работе, загорелась каким-то новым внутренним огнем.

Предо мной Вера Михайловна мелькала то активной цехделегаткой, то чутким и внимательным к ткачихам работником

Вера Михайловна Манькова.

фабкома. Видела я ее в женотделе. Партия сразу заметила преданность и замечательный ум т. Маньковой и отправила ее на курсы волежноргов. Оттуда на работу в сельские ячейки. Окончив курсы при ЦК партии, Вера Михайловна окунулась в бурный водонад деятельности в громадном фабричном Вичужском районе.

Затем XVI юбилейный съезд текстильщиков—и работа в Иваново-Вознесенске.

Сейчас Вера Михайловна занята разработкой такого плана, чтобы ни одна организация, даже самая мелкая, захолустная, не отстала в широком празднике пролетарской революции.

— Ведь в Октябре я только свет увидела! А на лице все та же добрая, застенчивая улыбка.

— Ну, скажите, не будь Октября, кем бы я была сейчас? З. Полкова.

НИЖНЯЯ УЛИЦА

Рассказ М. Бельского-Бронкова.

I.

Она отходит вбок от Торговой, как гнилой дряхлый сук от крепкого, старого дуба. Она извивается своими домами и хатами до самой Мокрой, издающей такие запахи, что люди прозвали ее „одинадцатой казней египетской“.

— Нижняя! — презрительно оттопырив губы, говорили о ней городские хозяева.

— Нижняя! — покорно соглашались поколения сапожников, портных и просто нищих.

Город стыдился ее, как бедной, перьями-вой родственницы, и потому заслонил громадами своих фабрик, складов и боев.

А сам раскинулся на изумрудном покрывале степных просторов, как пьяный запорожец на сечевом майдане.

Полумесяц еще спал, укутавшись в темные облака, когда на Нижней начинался день. Он приходил в жужжании швейных машин, в грохоте и лязге мастерских, в криках, плаче и песнях.

И в этот гул, светливый и первый, как вся жизнь Нижней улицы, врезался визгливый скрип сельских арб и рев заводских гудков. Благостные звуки, — они не тонули в симфонии Нижней улицы. Ухо ремесленника радостно ловило их. Ибо Ехиль — кузнец, ковал конянку дядки Остана, а портной Панатыйршил Федьке — слесарю штаны, крепкие, как железо. Потому что город — тот имел и своих портных, и своих сапожников, и свои магазины.

Но разве город имел такую синагогу, как Нижняя улица? Никогда! Она возвышалась над всеми домами, и ее дубовые балки звенит, как сталь, хотя время отполировало их коричневым лаком грязи и тлени.

В эту синагогу в пятницу по вечерам входил меня отец. Слова молитв не умилили меня и не трогали — пустые, они ударились о грязные, прокопченные стены и исчезали, как дым. В час, когда канторские перебивы ведали о грозном и о небезыгодном спасении, я любил потихоньку тащить воск из свечей.

Тогда кто-то дергал меня за ухо, и я встречался с насмешливым взглядом шамеса реб-Аврама Рубинского. Устало и спокойно он говорил: „Мальчик, нельзя этого делать“ и отходил.

Маленький, щупленький, сгорбленный он казался больным, мудрым гномом, заключенным в царстве высоких скамей, толстых феллантов и тонких свечей. Будучи мудрецом, он разделял судьбу Сократа: не было на Нижней улице женщины более сварливой, чем жена шамеса, Хана. Они снимали хибарку во дворе торговца Гимельфарба, у самого берега воночей Мокрой.

Хана встречала мужа на пороге. — Такой год и такое счастье Гимельфарбу, — начинала Хана, — какой у нас папа. Смотри, со стен льет!

— Если бы шамес Рубинский был Гимельфарбом, — параснев ткнул реб-Аврам, — так, наверное, было бы иначе, но...

— Если бы, если бы, — уже вопила Хана, — философ! А если бы ты лучше купил дров!

— Дров? — удивленно переспрашивал реб-Аврам.

— Нет, — брильянты! дров! и за квартиру надо, и окно починить надо, и на хлеб надо. Ой, горе мое великое! Муж философ, а сынок арестант.

Тут реб-Аврам умолкал. Когда упоминали о его сыне Моте, старик молчал. Мотя! Это была его гордость и источник вечных мук. На Нижней говорили: „Когда еврейский мальчик начинает крутить политику с мастерами — это кончается плохо. И зачем такому Моте иметь дело с разными прокламациями, партиями, собраниями? Был себе подручным слесарь, имел свой кусок хлеба, кормил родителей — плохо ли, хорошо ли, — но кормил, и достаточно. Так нет. Политика ему понадобится“.

После еврейского погрома в украинском местечке родные ищут своих близких. 1919 г.

Архив „Огонька“.

Богачи ему мешают, фабриканты жить не дают. Разве на Нижней так любят богачей? Что б уж им так жилось, как на Нижней живет — большего им ни Фейга Злата, ни Вейля, которая набивает напирасы, ни вдова Ита не желают“. По вечерам, в синагоге так и говорили: „Это толстоузые — нам бы их добро“. А Мотя Рубинский, даром что молодой, кричал: „Их добро парадное, награбленное. Забрать пужно их добро“. И докричался, пока его в тюрьму не отправили. Случилось это перед войной. В ту ночь, когда арестовали Мотю, длинная борода шамеса Рубинского стала совсем серебряной. Вся Нижняя улица жалела Мотю — такой молодой, умный, красивый. Но реб-Аврам молчал: он только подольше засиживался в синагоге, чтоб не слышать плача и причитаний своей жены. Скоро забыли на Нижней о Моте Рубинском. Каждый имел и свои заботы, и свои несчастья, и свое горе и многое другое, что отражалось на лице Нижней улицы.

II.

Были дни, похожие на месяцы, и месяцы, похожие на дни. Время замирало и было пустым, как мертвая улица под скучным мелким снегом. И тогда казалось, что вокруг пустыня, а в ней застыл в смертном страхе город. Но приходил час, и время клокотало и рвалось вперед, и бурлило в городе, как кипяток бурлит в котле. А когда жизнь вскипела и влилась новыми потоками в старые улицы, Нижняя перестала быть Нижней. Те же дома, хаты, лавки, лавчонки, мастерские, заборы, — но улица — не та. Это факт, а факты, что грабли: наступили на них — они бьют по лбу.

Попробуйте спорить, если даже сама мадам Рохль, жена бывшего домовладельца Кацмана, говорит, ехидно сжав губы: „улица Рубинского“.

Да, так называется теперь улица, бывшая Нижней. Как это случилось? — спросите у Сонькина — портного, у Ехилькузнеца, у Меера Кривого и жены его Златы.

Они расскажут вам о поразительной тишине в большом красном зале, где слышно было, как ветерок, влетевший в окно, шевелит складки знамен и как сдержанно дышат сотни людей. И как в этой тишине задрожал голос большого, сильного человека с лицом жестким, как камень.

Они расскажут, как он бросал в зал слова, как бросают спички в пороховую бочку. И от этих слов ходуном ходили сердца, пламенили глаза и рыдали медные трубы. Выпрямившись над красным столом, сжав кулаки, он поведал людям, выдавшим множество смертей, о необычайной смерти Марка Рубинского.

Тогда в большом красном зале Нижней улицы дали новое имя — имя Рубинского, Марка — Моти — сына старого шамеса.

И в этот день старый Рубинский плакал так, как не плакал во всю свою трудную жизнь, ни в один из самых тяжелых, самых печальных судебных дней.

Впервые за тридцать лет своей службы шамес реб-Аврам не явился тогда к вечерней молитве. Старейший из прихожан, глава почтенной корпорации портных Нижней улицы, сам великий политик реб-Алтер Нашатыйр лично отправился на дом к шамесу.

— Ну, ну, ну что? — обступили его по возвращении. — Э, я знаю, болен! — сказал реб-Алтер и сплунул. Помолчали.

— А что вы таки думаете, — отозвался старейщик Лейзер — потерять такого сына, — единственного сына!

— Как, — ядовито заметил тощий аптекарь Шпигельмаер, — он еще недоволен? Мы уже теперь живем на улице Рубинского.

— Ша, ша, — напустились на него, — как вам не стыдно! А ну, где б вы были, если б не Мотя Рубинский? Или батька Швачка с казаками лучше?

— Лучше! да сотрется имя их! Посмотрите на Янкеля — сумасшедшего. Разве раньше он тоже был сумасшедшим? Нет, он был тихим, хорошим тружеником, Яшей заготовщиком он был. На угловом доме до сих пор висит вывеска: „Окончивший — Берлинскую Академию кройки и шитья Яков Светлицкий“.

Но пришли казаки. Казаки назывались Волчанским партизанским отрядом, сам командир называл свой отряд „сволочанским“, и это они убили Яшиного отца, который никак не хотел расстаться с прадедовскими серебряными подсвечниками.

А на другой день в город пожаловал батька Швачка, который тоже любил „единую неделимую“ и серебряные подсвечники. Тогда убили Яшиного брата.

Звонили колокола, полковник всенародно целовал Швачку, а Швачка полковника

и по этому случаю начался третий погром и на этот раз изнасиловали Яшину невесту.

Теперь Янкель — сумасшедший бегаёт по Нижней улице и, останавливаясь под окнами, поёт погребальную молитву. Закатив глаза и надвываясь, он поёт: „Господь праведный и милосердный“. И старая солдатская фуражка в такт колышется на его голове.

Но третий погром так и не закончили — красные подходили к городу. Ночью дрожали стекла от далекого гула. Утром город молчал, как мертвый, и только свистом сверлили снаряды воздух и рвали пулеметы пыльную тишину улиц.

А когда пришла тишина, резкая от недавнего грохота, и люди выползли за ворота — все, вся Нижняя улица увидела Мотю Рубинского.

Он въехал в улицу, выдавшую его пленение, как победитель, загорелый и бородастый, и бойцы с обнаженными шашками следовали за ним.

Его конь торжественным цоканьем копнул первый нарушил молчание улицы.

Он тихо подъехал к хибарке у берега Мокрой, и старый Рубинский попытался к двери.

— Отец, — сказал он и нагнулся с седла, — ты меня не узнал?

— Мотл, сын мой, — крикнул старик так, что люди задрожали, — сын мой, Мотл!

Они говорили недолго: еще урчали пушки у Днепровской переправы, и Мотл повернул коня, а за ним умчались бойцы с обнаженными шашками.

В те времена у председателя ревкома в прифронтовом городе не было свободного времени. Чтобы увидеть сына, старик Рубинский днями дежурил в коридоре Ревкома. „Хорошенькое дело, — говорила Хана, — чтобы увидеть сына, нужно стоять в очереди“.

Рубинский пожимал плечами.

— Он теперь не наш. Он мне объяснил. Он теперь — партии. Партия сказала ему: — „Мотл, тебе мы верим, потому что ты — надежный человек. Иди и будь председателем“. Ты понимаешь?

И Хана умолкала.

Но на Торговой говорили и говорили.

— На тебе губернатор — сын этого Рубинского, этого шамеса вдруг новый начальник.

В кругу своих Кацман мог быть откровенным: — Конечно, для голодранцев с Нижней и эта власть хороша. Что у них возьмут? Несчастья ихние, штаны рваные? Но порядочных людей, вы понимаете — порядочных людей! — и Кацман бил себя в грудь, — обирают, так это власть?

Когда красным червем уполз на фронт последний эшелон и в городе остался только отряд ЧК, запах жареного донесся до Дибровского леса. Матерой, вечно колючий волк, атаман Швачка заливался в том лесу свежие раны. Сильно досталось Швачке от красных под Копанями. Растеряв и добычу, и орудия, и своих молодцов, еле добрался он до густых Дибровских зарослей. Здесь он узнал, что войска оставили город. Швачка собрал своих хлопцев. Речь его была краткой: — Хлопцы, — сказал он, — в нас так: або добыты, або дома не буты. Чи так? А як так, то и того... з богом. А кто, сукин сын, сдрейфит, так я його... з богом! — и, качнувшись, вытащил шашку. Хлопцы обрадованно заревели — их было 400, но добра хватит всем. Дула пулеметов грозно щерились на танках. На крапивал мелкий дождик, и кони ступали по мокрому, желтым листьям.

ПЯТЬ ЛЕТ ФАШИЗМА

Поход на Рим. Пять лет назад, 28-го октября 1922 года, фашистские легионы предприняли поход на Рим. В ознаменование этого дня фашистская Италия устроила ряд пышных празднеств. В официальных манифестах Муссолини называет свою деятельность за это пятилетие „плодотворнейшим и победоноснейшим осуществлением великих национальных идей“. На снимке, сделанном 28-го октября 1922 года итальянским фотографом Вруни, изображен момент вступления фашистского легиона в Рим через Порта дель Попола.

Гонец прискакал к вечеру. Нужно было задержать Швачку два дня, два дня, пока подойдет полк с фронта. К ночи предревкома Рубинский сформировал отряд. Ближайший полустанок еще не был занят. 250 — рабочие паровозных мастерских и чекисты. И только два пулемета. Ночь и день дрались у полустанка. Еще день и ночь — и город спасен, тыл обеспечен. Шесть раз банда шла в атаку — шесть раз лопотали два пулемета. На седьмой замолкли. Лент пехватило, людей тоже. Их осталось 50 и с ними Рубинский, раненый дважды.

Ночь опрокинулась на полустанок. — Отступать! — кричали Рубинскому. — Они обойдут нас. — Нет, — сказал он, — полк еще не пришел.

Обошли. Серенький подымался рассвет, когда ворвался Швачка в полустанок. Рубинского приволокли пред батькины очи. — Холодно, — сказал батька, потирая руки. — А, ну, хлопцы, погрейте бильшовичка! — И, раскачав на руках Марка Рубинского, предревкома, бойца и героя, живым бросили в паровозную топку. Так, в немых муках и пламени, погиб Марк Рубинский, и товарищи, оставшиеся жить, поведали об ужасной его смерти.

Но город был спасен, полк пришел во время, и тыл был обеспечен.

М. Беленький-Бронков.

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ПЕТЛЮРЫ

Парижский суд оправдал часовщика Самуила Шварцбарда, убившего в прошлом году бывшего украинского атамана Петлюру. Тщетно свидетели обвинения и гражданские истцы пытались переложить вину за еврейские погромы на восставшее против режима Петлюры украинское крестьянство. Суд признал виновным украинскую реакцию и ее вождя атамана Петлюру. Шварцбард оправдан. Этим самым белой реакцией лишний раз был вынесен смертный приговор. На снимке: заседание парижского суда во время процесса. Шварцбард (X) дает показания.

ЕСЛИ Вы недовольны средствами для ухода за зубами, которые Вы употребляли до сих пор, и ожидаемые результаты ухода за ними незаметны, то попробуйте ЗУБНУЮ ПАСТУ

ХЛОРОДОНТ

ЛЮБУЮ КНИГУ

высылает наложенным платежом
Московское Акционерное
Издательство
Москва 6, М. Дмитровка 8/в.

ВСЕ книги

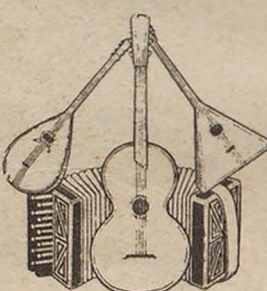
выссл. нал. плат.
до 10 р. без задат.

Цены без пересылки и упаковки.
ПОЛНЫЕ СОБРАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ВРЕМЕННО
ПО УДЕШЕВЛЕННЫМ ЦЕНАМ:

Апухтин в 1 т. 4 р. Альбов в пер. 10 р. Байрон в роскоши, полукож. переп. 3 т. 18 р. Бальзан — 20 т. в перепл. 20 р. Гауптман — 10 кн. 1 р. 50 к. в перепл. 3 р. Герцен — 7 т. 7 р. в перепл. 10 р. Гоголь — 12 т. в перепл. 6 р. Горький изд. Госиздата в 18 т. в перепл. 45 р. Его же изд. Маркса 25 кн. (незаконч.) без перепл. 6 р. Гончаров — 12 т. в перепл. 10 р. Грибоедов — 8 т. изд. Акад. Наук 10 р. Его же изд. Маркса в 1 т. 1 р. 50 к. Григорьевич — 12 т. в перепл. 7 р. Даль В. (Назан Луганский), изд. Вольфа 10 т. в перепл. 8 р. Данилевский — 24 т. в перепл. 8 р. Диннико, Ч. изд. Союзкины — 46 кн. 15 р. в перепл. 25 р. Додз А. — 12 т. в перепл. 10 р. Добролюбов — Н. П. в перепл. 6 р. Дюма А. изд. Союзкины в пер. 50 р. Енаторина II изд. Маркса в перепл. 1 р. Жуковский — 12 кн. 2 р. в пер. 3 р. 50 к. Кавелин К. — 4 т. в пер. 5 р. Ибсен — 18 кн. 2 р. в пер. 4 р. Кольцов — в 1 т. изд. Акад. Наук 2 р. 50 к. Короленко — 27 кн. 6 р. в перепл. 9 р. Козлов — в 1 т. 1 р. Киплинг — 20 кн. в 5 перепл. 12 р. Крылов — басни в раскрашен. изд. Девриена пер. с рисунк. худож. Жабо 9 р. Лесков — 36 кн. 5 руб. в перепл. 9 р. Лермонтов в 1 т. в перепл. 3 р. 50 к. Его же изд. Акад. Наук. 5 т. 9 р. Луве-де-Мурве — Лобови. похвост. кавалера Фоблава в перепл. 5 р. Мамонтов С. В. — 20 т. изд. Просвещение в перепл. 13 р. Марриэт, Капитан — в 8 т. в перепл. изд. Союзкины — 12 р. Михайлов М. изд. журн. „Просвещение“ 8 т. 4 р. Мари Тези изд. Союзкины в перепл. 18 руб.

Продолжения распродажи, по удешевленным ценам классиков, смотрите в предыдущих и последующих номерах „Огонька“. При заказе обязательно сослаться на него. названий каталог книг высылается за 30 к. марк. при заказе БЕСПЛАТНО. Заказы и деньги направлять: ЛЕНИНГРАД, Пр. Володарского, 59/у. „НАУКА И ЗНАНИЕ“.

САМОУЧИТЕЛИ

ПО ПОТНО-ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ ДЛЯ БАЯНА

Орланский-Титаренко, для разных систем. Ц. 3 р.

ДЛЯ ГАРМОНИИ 3-РЯДНОЙ

Орланский-Титаренко, с новейшими пьесами. Ц. 1 р. 50 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ 2-РЯДНОЙ

Исаков Н. Самоучитель с новыми пьесами. Ц. 1 р. 75 к.

ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ

Исаков Н. (по цифров. системе) Ц. 75 к.

ДЛЯ МАНДОЛИНЫ

Исаков Н. Нов. самоучитель с 47 пьесами. Ц. 1 р. 50 к.

Исаков Н. 15 альбомов для манд. с последн. новинками. каждый от 1 р. до 1 р. 50 к.

ДЛЯ ГИТАРЫ

Фишер А. самоуч. (по цифровой сист. с 22 пьес. Ц. 1 р.

Фишер Б. Альбом I и II для гитары с нов. пьесами по 1 р. наждый.

Исаков Н. Самоучитель с новейшими пьесами. Ц. 1 р. 25 к.

Выссл. налож. плат. до 5 р. без задат. Перес. за счет заказчика. Заказы направл. по адресу:

НОТНЫЙ СКАД

ЛЕОН ВАЛЯЩИК

Г. Ленинград, Гостин. двор, 12.

ПРОИЗВОДСТВО АРМОНИЙ: венские 2-х и 3-рядные; БАЯНЫ.

Имеются также все материалы и принадлежности для гармоний. Цены вне конкуренции. За качество полн. гарантия. Запросы и заказы направлять по адресу: Тула, М. Х. ХРИШНОВУ, ул. Зинovieва, 35/1. Прейс-куррант высылается за две 8-коп. марки вложенные в конверт.

НОВЫЕ КНИГИ

ПО РЕМЕСЛАМ И ПРОИЗВОДСТВАМ:

Адам Ф. инж. МОНТЕР ПО ОТОПЛЕНИЮ. Справочная книжка для установок и контроля отопительных устройств. Ц. 1 р. Ирресбергер, К. Литейное дело. Ц. 70 к. Григорьев, Н. архит. Малаярьное дело. Ц. 1 р. ГОФМАН. Токарь по дереву и металлу. 1 р. 50 к. Образцов. Как варить мыло. 70 к. Песочный. Столярное ремесло. 3 руб. 50 коп. Его же. Обработка дерева. 3 р. 50 к. Порецкий. Кузница и работа в ней. 50 к. Самойлов. Мукомольное производство. 1 р. Его же. Масложировое производство. 60 к. Быковский. Колбасное дело. 40 к. Лялин. Винокурное производство. 1 р. 50 к. Его же. Жиры и масла. 1 р. 50 к. Полевский. Домашнее приготовление плодовых и ягодных вин. 1 р. 50 к. КАЧМАРЕК. Штамповальн. производство. 2 р. 50 к. ПОКРАНД. Горячая штамповка и изготвление штампов. 3 р. 50 к.

Заказы адресовать:

Московскому Акционерному

Издательскому Обществу.

Москва 6, Малая Дмитровка, 8/в.

Заказы исполняются наложенным платежом без задатка, с добавлением стоимости пересылки.

НОВЫЕ КНИГИ:

Леппергофф. Плетение. Цена 4 руб. Вагнер. СПРАВОЧНИК КОЖЕВНИКА. II. Ц. 3 р. 25 к. Зазерский. Отопление и вентиляция. Ц. 3 р. Бергман. Хромоное дублирование. Ц. 4 р. 50 к. Евдокимов-Ромотовский. Организация строительных работ. Ц. 5 р. Прейс. Постройки сельскохозяйств. значения. Ц. 4 р. 25 к. Гофман. Холодильные машины. Ц. 4 р. 50 к. Савин. Допуски в машиностроении. Ц. 3 р. 25 к. НУТТЕ-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ. Справочная книга для производителей В 3-х выпусках. Ц. 18 р. НУТТЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ. Справочная книга для металлургов. Ц. в перепл. 16 р. Вильсон. Химия ижевского производства. Ц. 4 р. 50 к. Исаков. Обработка кожи. Ц. 1 р. 75 к. Бергман. Выделка подошвенной кожи. Ц. 3 р. Бергман. Кожевенное производство. Выделка мягких сортов красной дуб. кожи. Ц. 2 р.

Книги высылаются нал. плат. Пересылка по себестоимости.

Деньги и заказы направлять:

МОСКВА, 6,

Моск. Акц. Издательск. О-во

Мал. Дмитровка, № 8/в.

Каталоги и прейс-листы БЕСПЛАТНО

РАСПРОДАЖА ПОЛНЫХ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

Андреев 17 кн. 7 р. ■ Апухтин 12 т. 10 р. ■ Апухтин 1 т. 4 р. ■ Байрон иллюстр. изд. 3 т. в перепл. 15 р. ■ Банг 10 т. 8 р. ■ Боборыкин 12 т. 5 р. ■ Бунин 12 кн. 2 р. ■ Вересаев 10 кн. 3 р. 50 к. ■ Гамсун 18 кн. 5 р. ■ Гарин 20 кн. 4 р. ■ Гауптман 10 кн. 1 р. 50 к. ■ Гейерстам 10 т. 10 р. ■ Гейне 16 т. 2 р. 50 к. ■ Горбунов 4 кн. 1 р. ■ Гончаров 12 т. в перепл. 10 р. ■ Григорьевич 12 т. 5 р. ■ Даль в пер. 10 т. 10 р. ■ Данилевский 24 т. 8 р. ■ Достоевский 24 т. 20 р. ■ Жуковский 12 т. 2 р. ■ Ибсен 18 кн. 3 р. ■ Короленко 27 кн. в перепл. 10 р. ■ Куприн 23 кн. 9 р. ■ Лесков в пер. 36 т. 10 р. ■ Лоти II. 12 т. 10 р. ■ Майков 8 кн. 1 р. 50 к. ■ М.-Сибиряк 60 кн. 12 р. ■ Мей 8 кн. 2 р. ■ Мельников-Печерский 7 т. 5 р. ■ Метерлинк 8 кн. 2 р. ■ Милюков 4 т. в пер. 5 р. ■ Мольер 10 кн. 1 р. 50 к. ■ Некрасовский 24 т. в пер. 10 р. ■ Роденбах 5 т. 5 р. ■ Ростан 5 кн. в пер. 3 р. ■ Сервантес — Дох-Кихот — 10 кн. 2 р. ■ С.-Щедрин 40 кн. 6 р. ■ Станюкович — 40 книг 7 руб. ■ Терпигорев (Атава) 6 т. в пер. 12 р. ■ Тетмайер 10 т. 8 р. ■ Тургенев в пер. 10 т. 12 р. ■ Тютчев 5 кн. 75 к. ■ Толстой А. в пер. 40 р. ■ Толстой А. в пер. 7 р. ■ Успенский 28 т. 4 р. ■ Фет 6 кн. 1 р. ■ Фибих 9 т. 8 р. ■ Франс Анат. 12 т. 8 р. ■ Чернышевский 11 т. 10 р. ■ Чехов 23 кн. 7 р. ■ Шатриан Э. 20 кн. 8 р. ■ Шекспир иллюстр. изд. 5 т. 20 р. ■ Ш.-Михайлов 50 кн. 8 р. ■ Шиллер, изд. Брок. 4 т. 15 р. ■ Пушкин 1 т. 3 р. ■ Дерматов 2 т. 3 р. 50 к. ■ Роскоши. изд. в перепл. Больш. энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона 41 т. или 82 полут. 95 р. ■ Тоже Новый энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона 29 т. 60 р. ■ Большая энциклопедия (изд. „Просвещение“) 20 т. 40 р. ■ Платон (и. способ лечения) полный лечебник 4 т. 25 р. ■ Промышлен. и техника 10 т. 35 р. ■ Гнидич-Истор. искусства. 12 вып. в пер. 20 р.

НЕОБХОДИМО ВСЕМ:

Кухни на примусе и плите, 550 рецептов 1 р. 20 к.

ВСЕ ЭТИ КНИГИ

выссл. наложен. платежом или по получении денег

книжным магазином „ТЕХНИК“, Ленинград, Н.-Александр. рынок, 153/0.

Полный каталог распродающихся книг, 12.000 названий, высылает за 40 коп., можно марками.

При заказе — бесплатно.

Как получить хороший негатив

(книжка 16-я „Библиотеки Советского Фото“) вышла из печати и поступила в продажу во всех газетах. kiosках СССР.

Цена 25 коп.

СПОРТ-ПЛОЩАДКА НА СТОЛЕ

Хоккей — 7 р. Футбол — 4 р. Баскет-бол — 4 р.

Лаун-теннис — 5 р. Башня успеха — 4 р.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ВОЕННЫХ И КЛУБНЫХ ИГР.

Заказы высылается наложенным платежом.

Июль. Т-во „НАЧАТИ ЗНАНИЙ“.

Ленинград 25, пр. 25 Октября № 108 Д.

ЧИСТИТ ШЕЛКОВЫЕ, ШЕРСТЯНЫЕ И ДР. ПРЕДМЕТЫ
ДОМАШНЕГО ОБХОДА И ТУАЛЕТА
ПРИ ПОКУПКЕ ТРЕБУЕТ БРОШЮРУ, КОТОРАЯ ВЫСЫ-
ЛАЕТСЯ ТАКЖЕ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ
АКК. 0-80 ИМОЗИТ "Москва"

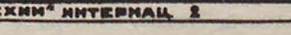
1) Ул. Гоголя, д. № 23 (вх. с пр. Майорова), кв. 17 и 19.
2) Вас. Остр., здан. Университета, Ректорский фл.гель, кв. 3.
3) Пестр. Стор., Ул. Красных Зорь, 36.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: ЦТО МОНО, Москва, Театральный пр. 7
(Лубянский пассаж), телеф. 4-62-58.

Фотография Н. ПРАСОЛОВА.
Заказы высыл. налож. платежом

Универсальный ПРИБОР с 3-мя разными иглами ШЬЕТ машинным швом драфт и выточ. Необход. в каждом доме, в дороге, в походе и на охоте для **ШИТЬЯ** сапожки, шоры, презент., войлочн. издел. и конторск. бумаг. **Незаменим** в крестьянск. хозяй-стве. **Ц. прибора** 500р. и рук. **2 р. 30 к.** При заказе 50% задатка, можно марками. **Москва, Центр,** Аняньевский пер., д. 16/18/0.
Мех. Пр-во П. М. Загорелин.

ИЗДАНИЕ МОСФИНОТДЕЛА.
Заказы исполняются наложенным
платежом немедленно.

19

МОСКВА 4, МОСКОВСКИМ² ИНТЕРНАЦ. 2

FRANCIS THOMPSON LTD OF A

до 8 рублн.

**ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА
ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА
"ЭЛЭМ"**
МОСКВА, МАЛ. ДМИТРОВСКАЯ

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОР W. M. — порошок для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела. Продажа в зеленых коробках Ц. 1 р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к. Рост волос замедляется. РОССЕУТЕРСКИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ поседших волос, фла. 2 р. 75 к. КРЕМ ДЛЯ БРИТЬЯ "ELEM EUXIS" без воды, без мыла, без кисточки, экономия времени, туба 1 р. 25 к. Высылка только по получении 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены.

Кто хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выпустить новую книгу: "Ораторское искусство". Приложением: "Искусство спорить и остроумия". Составил по сочин. проф. Э. Гейслера. З. Фрейда, Р. Герлинга и др. Высылка по получении 1 р. 20 к. или наложенным плат. на 1 р. 35 к. Адрес: г. Пенза, абонементамный ящик № 30 (тридцатый), издатель Г. Д. Давыдову.

Радио-Производ. "Аудион"
Пром. Кооп. Т-во "Аудион" предлагает всевозможные приемники своей сборки. Ремонт, лампагичивание репродукторов и трубок. Установки громкоговорителей в Москве и провинции. Проверка и ремонт по вызову. Прием заказов по всевозможным схемам. Большой выбор деталей и Шапошиновских катушек. Цены ниже конкуренции. Оптимальные покупатели особые условия.
МОСКВА, Центр, Мясницкая ул. 19. Телефон. 2-63-60.

СТЕНОГРАФИЯ для ВСЕХ

Руков. для самообучения Н. М. Соколова, 2-е изд. Ц. 2 р. 40 к., нал. плат. 2 р. 75 к. Руков. коправа почерка М. Я. Малишова, 210 упражн. с прил. транспарантов. Ц. 1 р. 50 к., нал. плат. 1 р. 80 к. МОСКВА, И. Бауманская, д. 6, кв. 1. ПАРШИН, И. А.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую, высылает налож. платеж. в 3-дневн. срок. Отдел почтовых Отправлений книжного магазина ВЦСПС.
МОСКВА, Кузнецкий Мост 14.

ПОЛЬЗУЯСЬ СЛУЧАЕМ, ВЫ МОЖЕТЕ ИМЕТЬ:

Чехова А. П. Полное собр. соч., 23 т. в пер., за 8 руб.
Чернышевского, Н. Г. Полн. собр. соч., 11 т. б/пер., за 6 руб.
Лермонтова, М. Ю. Полн. собр. соч., 2 т. в перепл., за 3 р. 50 к.
Словарь иностранных слов. Полную настольную книгу казачего грамотного, за 2 р. 50 к.

Литературную энциклопедию. Настольная книга педагога, литератора, ученого и др. 2 тома в пер., за 4 р. 50 к.

Книгу матери. Настольная книга матерей, помогающая вырастить здорового ребенка и сохранить свое здоровье, с 160 рис., за 2 р. 50 к.

Новейшую школу кройки и шитья. Простейший способ научиться кроить и шить по новой системе. Рис. и чертежами за 2 р. 75 к.

ВЫСЫЛАЕ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ (при заказе в 25% стоимости предплат. почтов. марками)

Книжный магазин
КНИГОСОЮЗА
МОСКВА, центр.
Моховая, 20/0.

ЭКЗАМЕН СЧЕТОВ-В

и БУХГАЛТЕРОВ для определения звания в профессиональной книжке. 110 ответов на вопросы экзаменатора. Необходимо всем счетным работникам. Цена кн. ЭКСПЕРТИЗА - 75 коп.
МОСКВА, Ул. Герцена, 52, кв. 21.
Преподаватель коммерческих наук **С. ВОДЬЧЕНКО**.

Красивый, нежный, цветущий вид может иметь каждая женщина, познав секреты рационального ухода за красотой лица ПО НОВЕЙШЕМУ МЕТОДУ Парижского Института Красоты (Institut de Beauté), а также при помощи применения косметического самомассажирования и художественного грима умело скрыть недостатки красоты и подчеркнуть ее достоинства, предохранить лицо от преждевременной старости, избавиться от морщин, угрей, пятен, веснушек и проч. Значение важнейших источников красоты и здоровья: ПИТАНИЕ, ВОДА, МАССАЖ, ДЫХАНИЕ. Книга "Мультикрасоты лица" с приложением рецептов доктора Ламана емкая, немедл. без задатка, налож. плат. Цена с перес. 3 р. 75 к.
Адрес: ЛЕНИНГРАД, главный почтамт, почт. ящик № 24.

МАСТЕРСКИЕ ГЛАВНОЙ ПАЛАТЫ МЕР И ВЕСОВ

ИЗГОТОВЛЯЮТ
ТОЧНЫЕ ВЕСЫ на нагрузки от 1 гр. до 50 кг., аналитические весы всех систем, ПРЕССА для проверки монетов всех мощностей, стеклянные АРЕОМЕТРЫ, спиртомеры и др. стеклянные измерители, ВАТТМЕТРЫ и др. электроизмерители, лабораторные приборы и принимают на себя ПРОЕКТИРОВАНИЕ новых измерительных приборов для лабораторий.

ЛЕНИНГРАД, Международный проспект, 19. Телефон № 1-58-21.

ОХОТА

и русской художественной литературе. Единственный сборник, в котором собраны лучшие произведения русских писателей об охоте. 381 стр. Ц. 2 руб.

Съемки и ПУШНЫХ ШКУРОК. Руководство с описанием съемки шкур с 65 отдельных зверей. С 113 рис. сунками. Федосеев - 1 р.

СПУТНИК ОХОТНИКА. Рахманин и Мерцелли. 315 стр. 1 р.

НАБИВКА ЧУЧЕЛ. птиц и зверей. Руководство к набивке и собиранию зоологических коллекций.

Залесоний. С 69 рис. 5 табл. 95 к.

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ. ловля, содержание в неволе. Святский. 247 стр. 33 рис. 1 р.

ОХОТА. на лису - 75 к. на волков - 50 к.

Высылает нал. плат. без заатка МОСКВА 9, ул. Огарева, 3.

Кооперативное Товарищество "Сотрудник провинции"

НОВЫЕ КНИГИ

Д-р Левенфельд. Гипноз и его техника с обращением особого внимания на его практич. применение. Предисловие проф. Платонова, 192 стр. больш. форм. - 2 р. с перес. - 2 р. 40 к.

Кнепп. Мое зодолечение, перевод с 103 илл. - 1 р. 25 к., в пер. - 1 р. 50 к.

Песочный. Полный курс столярного дела. 5-е изд., 407 рис. - 3 р. 50 к., с перес. - 4 р.

Якобсон. Годовая холодность женщин - 2 р. 25 к.

Рудь. Хозяйка - кулинарка, 1875 ободов - 3 р. 50 к.

Бельше. Любовь в природе. 3 тома - 1 р. 50 к., с перес. - 2 р. 15 к.

Нерасов. Соч. 1 т. - 3 р. 75 к. Чехов. Соч. 23 т., пап. пер. - 10 р.

Фриланд. За закрытой дверью, записки врача-психолога - 1 р. 60 к.

Кранфельд. Гипноз и внушение - 1 р., с перес. - 1 р. 30 к.

Кухня на примусе и плите. 550 реп. - 1 р. 20 к., с перес. - 1 р. 50 к.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ: ЛЕНИНГРАД, Пр. Володарского 55/0. Книжный магазин "Техника и Медицина".

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ

КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ - 1,50, 2,50, 3,75, 5, 7 и 10 руб. Доски шахматные - 2,50, 3 и 5 р.

ШАШКИ - 45 к. и 60 к.

Доски картон. - 45 к. шт.

ДОМИНО - 1,20, 1,50, 2,50 и 3,75. ЛОТО 2,50, 4 и 7 р.

СПОРТ

Лыжи - 15, 16, 18 и 20 р.

Палки - 2,50, (лыжи отпр. батожом) Пьесы - 12 р.

Коньки "Англ. Спорт" - 12,50, коньки (типа) Норвежск. ботинки. 32 р. Обувь для конькобежц. Зимний трикотаж. Хоккей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Самовары никелированные, бабки - 25, 30, 35 р. шт., рюмкой - 30, 35, 40 р. шт. Примус - 8,50. Нероснивая нунья (типа Герц с двумя фитилями) - 13,70 штука. Портфели кожаные от 12 - 80 р. Бритвы заграничные 12, 15 и 20 р.

Бритвы безопасные - 5, 6,50 и дороже. Бритвенные приборы (никелевые) 5 и 7,50.

ЧАСЫ ХОДИЛИ 5,50, 6.

РАДИО

Стандартные посылки (радиоприемник с монтажом, материалом) 35, 40, 60 и 65 р.

Задаток 25%, остальное наложенным платежом.

Иллюстрированный прикур-мур: музыка, спорт, фотографии, науч. принадлежности, нарядные часы, хозяйственный отдел, радио, кра-си для материи, комнатные ту-журки и пр. высылает за 2 во-м-х-копеечные марки. Москва, Гл. Почтамт, ящик 1031.

ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО

КНИГИ на ВЫБОР

ЦЕННЫЕ - УДЕШЕВЛЕННЫ.

1) Ранне. Человек. Этнотр., анатом., физиология 2 т. 1500 стр. с раскр. рис. в пер. 7 р. 2) Ратцель. Народоведение 2 т. в пер. 1600 стр. с раскр. рис. 7 руб. 3) Мейер. Мироздание с раскр. рис. в перепл. 8 р. за 5 р.

4) Мейнаер. История земли с раскр. рисунк. 2 т. в перепл. 1600 стр. вместо 15 р. за 8 р.

5) Куро бухгалтерии Викторова 2 части 467 стр. 2 руб. 50 коп.

6) Русские лекарственные растения соч. Рыкова 2 тома 650 стр. с рис. 3 р. 50 к., 7) Альбом проектов домов, дач и загор. строений 3 р. 50 к. 8) Полный курс физики Гане 765 стр. 882 р. 1909 года за 3 р., 9) Писмо о самообразовании Н. Рубанина. Как заниматься самообразованием. 350 стр. 2 р., 10) Занимательная физика. Опыты, задачи, гол. опытки соч. Перельмана 2 т. 350 стр. с рисунк. 2 р. 50 к.

Новинки конца 1927 года

Полное и лучшее руковод-ство домашнего заработка. Практических техно-химических рецептов по всем отраслям производства и хозяйства. Составил И. Рудь. 534 стр. 1927 года. Ц. 3 р. 50 к. в папке 4 р.

Первая полная поваренная книга ХОЗЯИНА-КУЛИНАРКА 1376 различных мясных и вегетарианских блюд, заготовок, солений, маринадов, паштетов, варений и напитков. Сост. С. П. Рудь. 497 стр. на отличной бумаге. 1927 г. Ц. 3 р. 50 к. в папке 4 р.

Половая холодность женщины Д-ра Яковсона. 190 стр. с 23 рис. 1927 года. Ц. 2 р. 25 к. Полн. иллюстр. словарь иностранных слов. 676 стр. 212 рис. Составил И. Вайсблит, 1926 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книжки высыл. налож. плат. Цены обозначены без пересылки при заказах свыше 10 руб. необходим задаток 1/3 суммы заказа. Книжный Магазин высылает все новинки книжного рынка по всем отраслям знаний всех государств. и частных издательств. Исполняет поручения и заказы по высылке старых дорожн. изданий.

КАТАЛОГ 5.500 назван. книг ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Книжный Магазин И. Ф. КОСЦОВА. Сущевск. с. 1905 г. Ленинград. Проспект Володарского, д. № 46/4.

РАЗБОРНЫЕ МОДЕЛИ

1) Двигатель 3-х фазного тока под редакц. проф. А. Раддиг. Цена с пер. 2 р. 80 к.

2) Паровая машина дв. расшир. под редакц. проф. А. Раддиг. Цена с пер. 2 р. 80 к.

3) Двигатель внутр. сгор. (Дизель) под ред. проф. Д. Дьякова. Цена с пер. 3 р. 80 к.

4) Паровая турбина под ред. проф. Дьякова. Цена с пер. 3 р. 80 к.

Модели воспроизводят в 7 красках полную конструктивную машину, сопровождается общедоступным описанием и дают возможность разобрать и осматривать все части машины. Размер модели 24x34 см. Высыл. наложенн. платеж. Заказы направлять: Ленинград. Театральная пл., 2/32. Инж. Я. Ф. АЛЬТШУЛЕРУ.

Ликеры ром коньяк

настояйки КАЖДЫЙ ПРИГОТОВИТ САМ из русской бодки РАСТВОРИВ ТАБЛЕТКИ

Высылается набор на 12 лет. по почте. перевода 3 р. 60 к. или налож. плат. ОПТОМ СКИДКА

В НЕЙ АРОМАТИЧНЫЕ "Bon goût" "Пожалуйста, работайте с "U. H. Dayabest" МОСКВА солинка 21

ВЫСЫЛ. ПРОСПЕКТ ЗА 8 КОП. МАРКУ

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия "А" Пика 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка
в изысканном футляре—21 предмет.
"Е" — 2 р. — Домашняя аптечка—21 предмет.
"Б" — 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—24 предм.
"В" — 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—31 предм.
"Н" — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—
8 пр. (высылаются не менее 8 шт.).
"Д" — 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
"Б" — 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.
Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш
точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложен-
ным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ
исполнит на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.)
пересылка бесплатна. При наложен. платеже пересылка
за счет заказчика.

Прейс-куррант высылается **БЕСПЛАТНО**.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

ЗУБНАЯ ПАСТА "ОДЕНТИН"

ЛУЧШЕЕ
СРЕДСТВО
для
СОХРАНЕНИЯ
и
БЕЛИЗНЫ
ЗУБОВ

ЦЕНА
ТУБЫКА
25 к.

БЮРО СНАБЖЕНИЯ ПОЧТОВЫМИ ПОСЫЛКАМИ

По первому требов. высыл. по почте

1) МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМ.:

Балалайки: 5 р. 50 к., 6 р.,
6 р. 25 к., 6 р. 75 к., 7 р. 80 к.,
8 р. 65 к., 9 р., 13 р., 15 р., 18 р.
Гитары: 15 р., 18 р., 19 р.,
22 р., 26 р., 30 р., 35 р., кон-
цертные 40 р., 50 р. Мандоли-
ны: 15 р., 19 р., 25 р., 30 р.,
35 р. концертные 40 р., 50 р.,
70 р. Гармоники: 35 р., 40 р.,
55 р., 75 р., 90 р. и дорожн.
Грамофоны: 50 р., 75 р.,
80 р., 95 р. Писонерские ба-
рабаны: 15 р., 16 р., 19 р., 25 р.
Горны: 17, 19, 22, 27 и 30 р.

2) ЧАСЫ КАРМАННЫЕ:

а) металлические анкерные 18 р.
б) тоже фирмы "Сима" "Та-
ван Ватч" . . . 25 р.
в) тоже П. Буре "Мозер" . 40 р.
г) серебрян. с 3-мя крышк. 25 р.
д) серебряные П. Буре,
"Мозер" Лонжин . . . 40 р.

Часы на руку:

а) анкерный ход с ко-
жан. браслетом. . . 32 р. 50 к.
б) тоже фирмы "Сима",
"Тава Ватч" . . . 35 р. —
Все часы раставориваем у луч-
ших мастеров. Не понравив-
шиеся принимаются обратно, и
деньги немедленно возвращаются.

3) СТАНДАРТН. ПОСЫЛКИ:

Радио (радиоприемник с уста-
новочными материалами) в 35 р.,
40 р., 60 р. и 65 р. посылка.
Заказы исполняются немедленно
по получении задатка 25% отсто-
имости, остальные наложенным
платежом.

Адрес: Москва 9, Галактич. п. 5
или почт. ящ. № 1215 БЮРО
СНАБЖЕНИЯ ПОЧТОВЫМИ ПО-
СЫЛКАМИ И. Тенен.

РАСПРОДАЖА КНИГ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН А. С. Степанова

ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, д. 31
ПОЛНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Андреев, 17 кн. 5 р. Бальзан, 20 т.
15 р. Бунин, 12 кн. 2 р. Боборыкин,
12 т. 4 р. Гапоун, 18 кн. 5 р. Гарин,
20 кн. 4 р. Гауптвайн, 10 кн. 1 р. 50 к.
Гейне, 18 кн. 2 р. 50 к. Горбунов,
4 кн. 1 р. Григорович, 12 т. 5 р. Жу-
ковский, 12 кн. 2 р. Ибсен, 18 кн.
3 р. Короленко, 27 кн. 6 р. Де-На-
тор, 3 кн. 75 к. Лесков, 36 кн. 6 р.
Лермонтов, 2 т. с иллюстр. 8 р.
М. Сибирян, 60 кн. 12 р. Майков, 8
кн. 1 р. 50 к. Мей, 8 кн. 1 р. Метер-
линк, 8 кн. 2 р. Мольер, 10 кн. 1 р.
50 к. Набоков, 8 кн. 2 р. Помялов-
ский, 5 кн. 1 р. Писемский, 38 кн.
6 р. Роотан, 5 кн. 1 р. С.-Щедрин,
40 кн. 6 р. Сервантес, Дон-Кихот,
10 кн. 2 р. Станиславский, 40 кн. 7 р.
Тютчев, 3 кн. 75 к. Уайльд, 4 тома
2 р. Успенский, 28 кн. 4 р. Фет,
6 кн. 1 р. Чехов, 23 т. 7 р. Ш.-Ми-
хайлов, 50 кн. 8 р. Гете, Фауст,
2 руб. Нольцов. Стихотворения.
В пер. 1 р. Пушкин, 1 т. в 3-х кн. 3 р.
Вересаев, 10 кн. 3 р. Данилевский,
24 кн. 5 р. Достоевский, 12 т. 12 р.
Куприн, 23 кн. 8 р. Смирновский,
Комнатное цветоводство, Ц. 1 р.
Цена без переплета, пересылки и
упаковки. Заказы до 10 р. высыл.
наложен. платеж без задатка, выш-
ше—задаток 30 проц. суммы заказа.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГ № 6
ВЫСЛАЮ БЕСПЛАТНО.

БИБЛИОТЕКА БУХГАЛТЕРА И СЧЕТОВОДА

является общепризнанным, луч-
шим курсом для самостоятель-
ного, без помощи учителя, изу-
чения всех отраслей счетовод-
ных наук.

Б-НА СОСТОИТ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ
12 КНИГ, СОСТАВЛЕННЫХ ВИД-
НЕЙШИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ:

Проф. Галаган—Общее счетоводство;
его же—Торговое сч-ство; проф. Луи-
ский—Коммерческ. вычисления (две
кн.); проф. Филимонов—Промышлен-
ное сч-ство; проф. Кипарисов—
Сч-ство акц. о-в; проф. Геротнер—
Руководство к изучению баланса;
проф. Шоу—Сч-ство по карточной
системе; проф. Дитякин—Сельского
сч-ство; Иосифини—Сч-ство с.-х. и
кред. т.-в; Иосифини—Сч-ство потреб.
о-в; Тиль—Банковское сч-ство.

КАЖДАЯ КНИГА В ПЕРЕПЛЕТЕ, ВСЕ
КНИГИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ОТО-
МОСТЬ 12 КНИГ 18 РУБЛЕЙ.

Желающие могут приобрести би-
блиотеку в рассрочку: при подписке
присылается 3 рубля, после чего
ежемесячно будет высылаться по две
книги в одной посылке с налож.
плат. на 3 р. (с добавл. стоимости
пересылки); последние две книги
будут посланы без налож. плат.

При том же задатке в 3 р. желаю-
щим может высылаться ежемесячно
по одной книге с налож. платеж.
на 1 р. 50 к. (с добавл. перес.).

Подписку и деньги адресовать:
Москва, улица Герцена, д. 22/3
Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

БУХГАЛТЕРИИ ЗАОЧНО

(полный курс 12 р.) теор.
и практ. основат. выучи-
вает Г. П. ЛЕОНОВИЧ.

Проспект и 1-ю лекц. высылают за 24-коп. почтовую марку.
Ижев, Михайловский пер., № 9, кв. 15.

Проф. Г. ВАН-ЛУН.

„ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“

В 2-х том., 500 стр. больш. форм.,
с многочисленными иллюстраци-
ями. Перевод с последнего англи-
ского издания, разошедшегося в
в хол. 1.000.000 экз. Цена 2 т.—4 р.
ЛЮБУЮ КНИГУ, как отарую, так и
новую, высыл. налож. платеж в 4-дн.
орек. Заказы, запросы, деньги ад-
ресовать: Москва, Центр, Политехн.
музей, п. 116/п., „Культура и Знание“
При высылке денег вперед (можно
марками) пересылка бесплатна.

ШАХМАТИСТ

незаменим. записная книга-справоч-
ник—орган. архив, тренирует пра-
вильн. шахматное мышление. Со стат.
маэстро Рабиновича, иллюстр. клас-
с партий миров. шахматистов. Снаб-
подробной инструкц. проведен. шах-
матных соревнований. 400 стр. текста—
160 стр. правил игры. 240 стр. блан-
ков дневников для записи отд. пар-
тий. Отдел шахматных пословиц, за-
гадок, задач, шуток, курьезов и и-
решение. Цена 2 р. в изысканн. пер.
Высыл. нал. плат. Москва-центр, По-
литехн. Музей, 116/п., „Культура и Знание“
Кн. склад высыл. ВСЕ книги
ВСЕХ издательств в 3-х днях. срок

Снег. ВОЛОС (выпадение, угрей, пятен и др. космет.
лечен. верхот и пр.), УГРЕЙ, недостатков кожи.
Эл.-светолеч. Горн. Солнц. д-р М. НАТЦЕН. Тверская, д. 62, кв. 3

Л И Н И Я О Т Р Е З А

Условия подписки

по 1-му абонементу на „ОГОНЕК“ с приложением
Полного Собрания художественных сочинений

Льва ТОЛСТОГО

При заявке через почтовое предприятие вносится один руб.
Остальная сумма (12 р. 50 к.) переводится в Главную Кон-
тору Изд-ва „Огонек“ в Москву к 1 января 1928 г., или же
в рассрочку: не позднее декабря—3 р., к 1 марта—3 р. 50 к.,
к 1 мая—3 р., к 1 июля—3 р.

Подписчики, высылающие остальную сумму (12 р. 50 к.)
сразу, получают **БЕСПЛАТНО** большой худож. портрет

Л. Н. ТОЛСТОГО.

АНЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ О-ВО
„ОГОНЕК“.
Кронова 6, Страстной бульвар 11.

К СВЕДЕНИЮ ПОЧТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

ПРИЕМ ПОДПИСКИ на журнал „ОГОНЕК“
с приложением Полного Собрания художественных сочинений

Л. Н. Толстого

по настоящей карточке **БЕСПРЕПЯТСТВЕННО** производится всеми
почтовыми предприятиями.

Карточку вместе с заказом надлежит направлять в Моспочтамт, обозначая в заказе
(в графе „ПРИМЕЧАНИЕ“), сколько карточек направляется.

27/Х—27 г. № 23/5.

Н. П. З.

И. М. Коцел

К СТОЛЕТИЮ со ДНЯ РОЖДЕНИЯ юбилейное полное собрание художественных произведений ЛЬВА ТОЛСТОГО

ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ в 1928 году

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ОГОНЕК

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

В течение 1928 года к журналу „ОГОНЕК“ будет приложено Полное Собрание Художественных Произведений Л. Н. ТОЛСТОГО. В Собрании будут помещены все художественные произведения Льва Толстого, в том числе „Война и Мир“, „Анна Каренина“, „Воскресенье“ и все остальные, а также произведения, которые из-за царских цензурных условий до сих пор не включались ни в одно собрание сочинений Толстого. Собрание будет состоять из 24 книг большого формата, напечатанных убойным четким шрифтом, по 12 печатных листов (около 200 страниц) каждая. Всего в 24 книгах будет 288 печатных листов (всего 4.600 страниц). Ежемесячно подписчики будут получать по две книги.

Условия подписки на „ОГОНЕК“ с приложениями:

1-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО—13 р. 50 к.:

52 №-ра журнала „Огонек“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Льва Толстого в 24-х книгах. Подписная цена на год—13 р. 50 к. Допускается рассрочка в четыре срока: не позднее декабря—4 р., к 1 марта—3 р. 50 к., к 1 мая—3 р. и к 1 июля—3 р.

2-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“—13 р. 50 к.

„Библиотека Огонек“ выходит еженедельно по две книжки и дает новейшие произведения советских и западно-европейских писателей. 52 №-ра „Огонька“ с приложением 104 книжек „Библиотеки Огонек“: Подписная цена на 1 год—13 р. 50 к., на полгода—7 р., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 1 мес.—1 р. 40 к.

3-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого и „Библиотеки Огонек“—22 р.

52 №-ра „Огонька“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Льва Толстого в 24-х книгах, и 104 книжек „Библиотеки Огонек“. Подписная цена на год—22 руб. Допускается рассрочка в пять сроков: не позднее декабря—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сентября—по 4 р.

Заявка вместе с 1 руб. принимается во всех почтовых предприятиях и бесплатно пересылается в „Огонек“. Для этого нужно отрезать помещенный ниже бланк и вместе с ним обратиться в любое почтовое предприятие, в окно для приема подписки.

„ОГОНЕК“ без приложений:

52 №-ра журнала в год: Подписная цена на год—4 р. 50 к., на 1/2 года—2 р. 40 к., на 3 мес.—1 р. 20 к., на 1 мес.—40 к.

Подписчики на „Огонек“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого, внесшие сразу подписную плату полностью, получают БЕСПЛАТНО большой художественный портрет Л. Н. Толстого.

Пересылка всех изданий за счет издательства.

При подписке указывайте точно, на какое издание и с каким приложением сдается подписка.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАЯВКА.

В виду твердого тиража Собрания Сочинений Л. Н. Толстого, выпускаемого Госиздатом специально для „Огонька“ и в отдельную продажу не поступающего, принимается предварительная заявка, гарантирующая получение Собрания Сочинений Л. Н. Толстого. При заявке вносится лишь один рубль, зачисляемый в счет подписной платы, каковая имеет быть внесена в указанные выше сроки. Задаточный рубль удерживается подписчиком из первого взноса.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва 6, Страстной бульвар 11, Акционерному Издательскому Обществу „Огонек“.

Л И Н И Я О Т Р Е З А

В Акционерное Издательское Общество „ОГОНЕК“, Москва.

КВИТАНЦИЯ

(Выдается подписчику)

Предварительная заявка на журнал „ОГОНЕК“ с приложением Полного Собрания Сочинений Л. Н. Толстого — на 12 месяцев.

Получ.
сумма.

Колич.
экземпл.

Р.

Куда адресовать издания
(Наим. почта и подр. адрес)

Заказ №

Принята от

предварительная заявка в один рубль на журнал „Огонек“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Л. Н. Толстого, на экз.

Подпись

Кому

Штемпель
почтового учреждения.

Штемпель
почтового учреждения.

(Условия подписки на обороте).